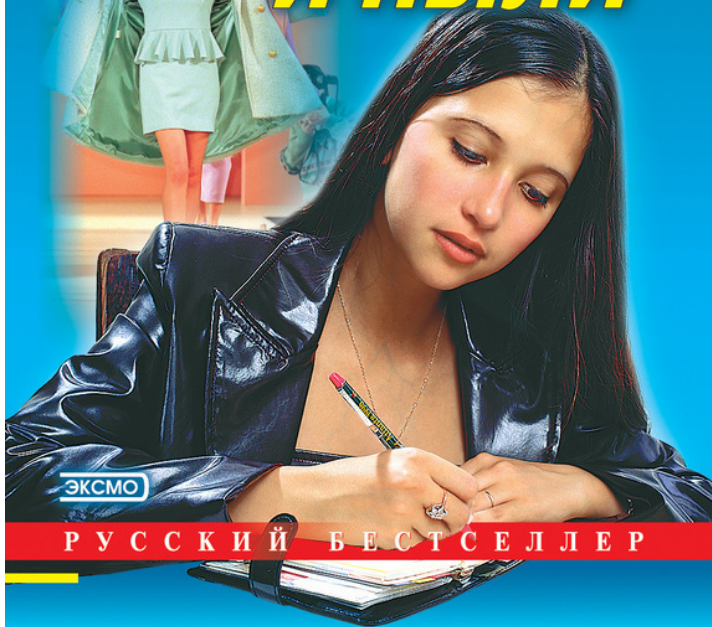

Светлана
АЛЕШИНА

Без шума И ПЫЛИ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Без шума и пыли (сборник)
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961264

*Алешина С. В. Без шума и пыли. Сыграем в прятки?: Повести.: Эксмо-пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-004218-3*

Аннотация

«...Что-то сразу показалось мне в нем странным. Даже не то чтобы странным – каким-то болезненным. Лицо его было бледным, будто его посыпали сахарной пудрой, а в больших карих глазах читался испуг. Он слабо улыбнулся Марине, сделал несколько шагов по подиуму, согнулся вперед, как будто его ударили ногой в живот, потом распрямился, но не до конца, а так, словно он нес на плечах тяжелый металлический рельс, и упал на колени.

Мне прекрасно было видно в объектив, как гримаса ужаса и боли исказила его лицо, изо рта появилась слюна, превратившаяся в пену, и он повалился на бок, конвульсивно сгибая ноги и руки, будто сломанная марионетка. На этом его мучения, можно сказать, закончились, он каким-то образом дополз до края демонстрационной дорожки, перевернулся на спину, свесив голову вниз, и, дернувшись в судорогах, затих. Его

лицо с хлопьями пены вокруг рта и страшно выпученными глазами смотрело прямо в объектив. По моей спине пробежал предательский холодок.

В зале повисла гробовая тишина, музыка, лившаяся из динамиков, оборвалась.

– Врача! – выкрикнул кто-то...»

Содержание

Без шума и пыли	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Светлана Алешина

Без шума и пыли (сборник)

Без шума и пыли

Глава 1

– Нет-нет, так не пойдет, – сказала молодая женщина в длинном черном платье.

Она повернулась к сцене спиной, взяла с обитого малиновым бархатом кресла цветастую шаль и набросила ее на плечи. У женщины были гладкий лоб, красивые глаза орехового цвета, точеный носик и небольшая родинка над верхней губой. Блестящие каштановые волосы были собраны в пучок. Нахмуренные брови и плотно сжатый рот придавали ее лицу жесткое и решительное выражение.

– Оксана, Лена, Света, – хлопнула она в ладоши, – еще раз все сначала! И не забывайте: вы на подиуме, а не на базаре. Голову ровнее, походка от бедра, взгляд должен быть спокойным и торжествующим: вы знаете, что прекрасны и глаза сотен человек устремлены на вас.

По сцене прошел нестройный шепот. Несколько высоких девушек в обтягивающих маечках и трико выстроились в ряд

и приготовились к тренировочному дефиле.

– Сережа, давай, – скомандовала женщина в черном платье, посмотрев куда-то вправо, под самый потолок.

Парень, чья светлая кудлатая голова маячила в крохотном оконце в правом верхнем углу темного зала, едва заметно кивнул, и гулкую тишину помещения нарушила громкая ритмичная музыка.

– Света, Света, – гневно выкрикнула женщина в шали, – ну нельзя же так!

Она закусила от досады губы и раздраженно мотнула головой. Темная прядь выбилась из прически и упала на висок.

Коротко стриженная блондинка растерянно замерла посреди сцены, в то время как ее коллеги продолжали двигаться по подиуму. Музыка внезапно стихла, пятерка девушек в нерешительности остановилась.

– Марина Рудольфовна, – чуть не плача взмолилась блондинка, – вы же видите, мы стараемся...

– Нет, не вижу, – задыхаясь от возмущения, произнесла женщина в шали, – если бы старались, не шли бы как слони-хи на водопой, а ступали бы как нимфы. Не забывайте, что мы будем представлять молодежную коллекцию «осень – зима». Никто не требует от вас, чтобы вы порхали как балерины, но нельзя же ходить по подиуму так, как вы ходите по улице! И ведь мы с вами уже не первый раз отрабатываем этот кусок, в чем же дело?

Глаза Марины Рудольфовны, перебегая с одной девушки

на другую, метали молнии. Она села в кресло, закинула ногу на ногу и принялась нервно покачивать правой ногой.

– Максим, – резко обратилась она к сидящему в зале черноволосому парню с застывшим от напряжения бледным лицом, – дай мне сигарету и подумай, что нам делать с этими неповоротливыми клячами.

Она с ядовитым злорадством еще раз обвела глазами подиум и, не наклоняясь, прикурила от зажигалки поспешившего на зов Максима. Стоящие на подиуме девушки неодобрительно зашушукались между собой.

– Хватит болтать, – вскочила с кресла как ужаленная Марина Рудольфовна, – все – на исходную позицию! Вы здесь не бесплатно трудитесь, извольте выполнять мои распоряжения.

Девушки безмолвно повиновались.

– Ну, как тебе этот бордель? – выпустила струю дыма прямо в лицо Максиму Марина Рудольфовна.

– Не знаю, что сказал бы Лешка по этому поводу, – растерянно пожал плечами худощавый брюнет, – ему, конечно, виднее, да и тебе тоже, – поторопился он добавить, – а вот мне кажется, что не все так плохо.

– Мнение Лешки с некоторых пор меня не интересует, он тряпками занимается, а я – телами! Ему легче – сиди, изобретай. Он ни от кого, по сути, не зависит... Портные свое дело знают, тем более что ему повезло с мастерами. Многие вещи он сам делает, так что ему проще.

– Ну, это с какого бока посмотреть, – осмелился противоречить Марине Рудольфовне Максим, но, наткнувшись на ее свирепый взгляд, осекся и замолчал.

– Сергей! – Марина Рудольфовна подняла глаза к потолку. Снова грянула музыка, и в такт ее стремительным аккордам по сцене пошли девушки. Марина Рудольфовна, изображая равнодушие, краем глаза наблюдала за их движениями.

– Бог ты мой, – сорвалась она, – ты посмотри, как эта ту-пица идет!

Реплика относилась все к той же коротко стриженной блондинке. Произнесенная довольно громко, она подействовала на последнюю как удар хлыста. Светлана застыла как соляной столп, а потом, закрыв лицо руками, зарыдала.

Максим озадаченно посмотрел на ухмылявшуюся Марину Рудольфовну.

– Эмоции свои прошу держать при себе. Сергей, останови пленку, у нас тут своя музыка!

Марина Рудольфовна открыто потешалась над бедной манекенщицей. Девушки таращили друг на друга глаза, ни одна из них не решалась посмотреть в зал.

– Отправляйся к себе, приведи себя в порядок и снова за работу, – резко произнесла Марина Рудольфовна. – Объявляю перерыв. Десять минут.

Девушки кинулись к кулисам. Им не терпелось освободиться от присутствия Медузы Горгоны.

– Ты не представляешь, как я устала, – тяжело вздох-

нула Марина Рудольфовна и потянулась. Взгляд Максима потеплел. Ленивая грация жестокосердной укротительницы стройных девичьих тел подействовала на него магически.

– Может, поужинаем сегодня вместе? – вкрадчиво шепнул он, накрывая ладонью узкую кисть Марины.

– Ни в каких авантюрах я участия больше не принимаю, – холодно сказала она, высвобождая руку, – у меня завтра показ, дел по горло.

– Плутуешь, матушка, – с приторной фамильярностью отозвался Максим, – пара часов ничего не значит.

– Но может и значить... – лукаво улыбнулась Марина, поправляя на плечах свою испанскую шаль.

– ...если проводишь ее с человеком, который тебе действительно не безразличен. Так что, поужинаем?

– Если бы не твои бархатные глаза, – с иронией в голосе сказала Марина, – я бы отказалась, но ты умеешь так проникновенно посмотреть на женщину в минуту, когда она колеблется...

Теперь в голосе и жестах Марины было столько соблазнительной томности и изящества, что оставалось загадкой, как она могла сочетать в себе свирепость тигрицы и кротость небесного ангела, хотя скорее, подумал Максим, ангела-искусителя.

– Ты видела Лешкину коллекцию? – с безразличным видом осведомился Максим.

– Кое-что... – уклончиво ответила Марина, – не бог весть

что, надо сказать. Раньше он проявлял большую изобретательность. Пойми, юбки в крупную складку и широкие брюки хаки – для Запада вчерашний день. А он из этого хочет сделать революцию! Представляю, что об этом напишут газеты: «Замуруев представил потрясающую осенне-зимнюю коллекцию. Последний писк сезона – юбки в складку, пуловеры крупной вязки и объемные комбинезоны, асимметричные мантии из искусственного меха и расшитые золотом унты». Ха-ха! Да это же мода для тинейджеров. Он что, уже настолько чувствует себя старым, что решил предложить дамам подростковые юбочки и брючки? Сдается мне, что теперь он руководствуется девизом: нам не до красоты и роскоши – лишь бы было доступно! Я бы назвала его новую коллекцию «Геронтофобия».

– Забавно, – усмехнулся Максим, – а ведь Лешка действительно уверен, что его новая коллекция произведет фурор.

– О да, не сомневаюсь в этом, вот только боюсь, что Ложка не поймет Лешку, – рассмеялась своему каламбуру Марина, – и лишний раз будет иметь повод задуматься, кого он снабдил миллионами и зачем это ему надо.

– Мне кажется, ты излишне критична по отношению к Лешке. Он по-настоящему талантлив...

– О да, Готье и Гальяно в одном лице! – язвительно сказала Марина, вставая с кресла. – Ладно, – пренебрежительно махнула она рукой, – оставим это. У меня с Замуруевым договор, я должна выполнять его параграфы, а все остальное

мне глубоко безразлично. И потом коллекция твоей сестры мне нравится намного больше.

– Ну, это ты льстишь Марго, ей до Лешки, как мне до балерины!

– А не завелся ли в тебе, Макс, червячок мазохизма? Ты ведь должен ненавидеть Лешку, – Марина пристально посмотрела на Максима. – Или мужское начало...

– Я пытаюсь быть объективным, только и всего, – поднял на Марину невинный взгляд Максим, – не более. А насчет мужского начала... – Он поднялся с кресла и, приблизившись к Марине, обнял ее и припал к ее рту губами.

– Я не это имела в виду, – запротестовала та, отстраняя его. – Прекрати петь Лешке дифирамбы, или ты специально меня злишь?

Максим опять привлек к себе Марину, но в этот момент на сцену одна за другой стали выходить манекенщицы.

– Пусти! – Марина отпихнула Максима и обратилась к девушкам: – Итак, продолжим. Света, Лена и Оксана – в первый ряд, Оля и Мария – следом. Прогоняем весь кусок, а потом – в костюмах. Марго приготовила нам подарок. – Марина обворожительно улыбнулась Максиму.

– Ты прелесть, – шепнул он ей на ухо. – Лешка ни хрена не понял...

Если вы думаете, что еженедельник «Свидетель» освещает только криминальные события, происходящие в провинциальном Тарасове, то вы ошибаетесь. Мною как владельцем и главным редактором «Свидетеля» перед коллективом газеты поставлена вполне определенная и, в сущности, не такая уж сложная задача: быть свидетелем всего мало-мальски интересного в нашем городе.

Мой зам – Сергей Иванович Кряжимский – постоянно пытается мне доказать, что не надо распыляться, а лучше сосредоточить свои усилия на нескольких наиболее привлекательных для читателя рубриках. В принципе я с ним согласна: он человек с огромным жизненным и журналистским опытом, но нельзя же оставить без внимания такое событие, как показ осенне-зимней коллекции моделей, тем более что моделиеры – наши доморощенные кутюрье. Один Алексей Замуруев чего стоит! Его последняя летняя коллекция, с которой он ездил в столицу, даже там не осталась незамеченной, и после ее показа в московских газетах пару раз упоминалось имя Замуруева.

Итак, бросив все дела, которых, честно говоря, у меня стараниями Сергея Ивановича было не так уж много, и прихватив с собой «Никон» на широком ярко-желтом ремне, я устроилась в своей «Ладе» и отправилась в Дом молодежи.

Как сообщалось в пригласительном билете, показ должен был начаться в двадцать часов, то есть почти через час. Но на такие мероприятия хорошо — знаю по опыту — приезжать заранее, чтобы занять места получше и вообще разведать обстановку. Так что за сорок минут до начала я, миновав двух грозных секьюрити на входе, поднималась по широкой лестнице городского Дома молодежи на третий этаж.

Народу было еще не очень много — в основном наша журналистская братия: ну как же они могут пропустить такое событие! С некоторыми я была лично знакома, кого-то знала только в лицо, а двоих молодых фотокорреспондентов так и вообще видела впервые. Ну ничего, Тарасов город маленький, обязательно еще где-нибудь столкнемся нос к носу. А может, еще и сегодня разузнаю, кто такие.

Высоченные двери зала были распахнуты, и через них туда-сюда сновали приглашенные и обслуга. Вырядились, конечно, все как на парад. Словно не им будут демонстрировать новую коллекцию моделей, а они сами решили блеснуть обновками. Я в своих скромных джинсиках «Big star» выглядела, как ворона, случайно залетевшая в стаю попугаев. Не то чтобы я не могла себе позволить что-нибудь подороже, просто не люблю выпендриваться. Кстати, покрой у «Big star» один из самых лучших, они так облегали мою попку и длинные ноги, что у некоторых крутых, припершихся на праздник моды со своими женами и подругами, просто отвисла челюсть.

Когда я сопливой шестнадцатилетней девчонкой приехала покорять Тарасов, моими любимыми нарядами были желтенькие маечки и оранжевые кофточки, которые я напяливала, отправляясь как на лекции, так и на дискотеки. Кажется, это было так давно...

Поприветствовав знакомых, я прошла в зал, который начал понемногу заполняться. Я не стала пробиваться к самому подиуму, откуда и снимков-то приличных не сделаешь, а решила занять крайнее кресло возле одного из проходов, радиально разрезавших зрительские места, тем более что «Никон» позволял мне снимать практически с любого расстояния. Отсюда мне было видно и сцену, и дорожку, по которой будут ходить манекенщицы, и можно было встать, не мешая зрителям, если понадобится изменить ракурс.

Рядом со мной сидели двое «новых русских» в одинаковых клубных пиджаках. Да и сами они были настолько похожи, что я сперва приняла их за близнецов. Они сразу же обратили на меня внимание, но, к моему счастью, не могли выказать свое восхищение, потому что постоянно давали по мобильникам какие-то распоряжения и читали послания, приходящие им на пейджеры.

Время подходило к восьми, зрители потихоньку подтягивались, и к началу представления в зале не осталось ни одного свободного места. Играла негромкая музыка, которую легко заглушал гомон переполненного зала. Наконец в зале погасили свет, и софиты вырвали из мрака сцену, на которой

появился невысокий лысый мужчина в темно-сером костюме. Он поприветствовал публику, отпустил несколько плоских шуток и представил хозяйку шоу, владелицу модельного агентства «Сириус» Марину Киселеву.

Марина широко улыбнулась, открывая ровные, ослепительной белизны зубы. Она взяла у лысого микрофон и, сделав несколько шагов по подиуму, произнесла:

– Добрый вечер, дамы и господа. – Ее сильный, уверенный голос подействовал на публику завораживающе. – Сегодня агентство «Сириус» представляет осенне-зимнюю коллекцию нашего молодого талантливого модельера Алексея Замуруева. Многие из вас уже знакомы с его летней коллекцией, которую заметили даже в столице, а теперь у вас есть возможность первыми посмотреть новые работы Алексея. Те из вас, кому приглянется что-то из показа нашего кутюрье, могут тут же в конце вечера сделать Алексею заказы.

Киселева походкой модели прошла по подиуму к сцене, передала микрофон лысому в сером костюме и, плавно покачивая бедрами, скрылась за кулисами, из-за которых под грянувшую музыку начали выходить манекенщицы. Коротышка, подхватив микрофон, стал комментировать происходящее. Публика негромко переговаривалась, приветствуя аплодисментами особо понравившиеся модели. Зал то и дело озарялся вспышками фотоаппаратов. Я тоже сделала десятка полтора снимков и немного заскучала, озираясь по сторонам.

Мой сосед наклонился к своему «брату».

– Этого закройщика Гришка башляет, – громко произнес он, – столько «капусты» уже в него вбил.

– И че? – откликнулся второй.

– Да дохляк, кажись, – первый пожал плечами, – но он все это из-за сеструхи своей затеял. Этот фраер на ней женился, вот Гришка и суетится.

– Ему все равно бабки девать некуда, – завистливо произнес второй, – он уже третий джип меняет. Видел его последний «Линкольн»?

– Да уж, сарай крутой. – Первый выпятил губы и поднял глаза на сцену, где в это время снова появилась Марина Киселева.

– Дорогие друзья, – с улыбкой сообщила она, – сейчас небольшой перерыв, во время которого вы можете немного подкрепиться, а потом Алексей еще раз представит свою летнюю коллекцию, включающую в себя бикини с военной тематикой. А пока вы будете отдыхать, на сцене для вас работает тарасовская рок-группа «Ноги вниз».

Вспыхнул свет, зрители потянулись к шведским столам, установленным вдоль стен. На освободившуюся сцену вышли четверо музыкантов, непонятно во что одетых, и ошарашили присутствующих песенкой под названием «Кончай лясинг-трясинг», содержание которой сводилось к тому, что вместо того, чтобы болтать языком, приятель, лучше бы ты занимался делом.

Я сделала несколько снимков гостей в непринужденной обстановке, потом подошла к столу, чтобы перекусить немного.

– Лелек, привет! – Кто-то положил руку мне на плечо.

Обернувшись, я увидела художественного редактора «Тарасовских вестей» Мишку Голубя. Он широко улыбался, показывая прокуренные зубы. В руке он держал бокал с шампанским.

– Выпьем? – Кажется, он не собирался убирать руку с моего плеча.

– Миша, – я в упор посмотрела на него, освобождая плечо, – во-первых, ты знаешь, что я не пью...

– А во-вторых? – Он обхватил меня за талию.

– Во-вторых, где ты успел так набраться? Бар только открылся.

Мишка был на несколько лет старше меня и закончил университет в тот год, когда я туда поступила. Мы познакомились уже позже, когда я начала сотрудничать с газетой, где он трудился. Он постоянно клеился ко мне, но до сих пор безрезультатно, если не считать результатом несколько безответных поцелуев на редакционных праздниках. Вообще-то он был неплохим парнем, вот только в последнее время начал чересчур много пить. С другой стороны, кто сейчас не пьет, кроме трезвенников и язвенников, а уж какая для кого доза считается чрезмерной, по-моему, каждый должен знать сам. Мишка свою знал. Мне еще ни разу не приходилось видеть,

чтобы он вырубился окончательно.

– Да я сюда похмелиться пришел, – весело произнес он, – на халяву. А ты, я смотрю, работаешь вовсю.

– Куда деваться, – вздохнула я, убирая со своей талии его руку, – кушать-то всем хочется.

– Да ладно прибедняться-то, – Мишка в два приема опорожнил бокал, – знаем, сколько ты имеешь со своего «Свидетеля».

– Это нетрудно подсчитать, зная тираж. – Я взяла со стола небольшой бутерброд с ветчиной.

– А что же ты тогда скромничаешь? – Он выпучил на меня свои светлые глаза. – Ладно, можешь не отвечать. Скажи лучше, ты здесь будешь? Я стогняю еще за шампанским.

Я посмотрела, как он удаляется в сторону бара, и взяла еще один бутерброд. В это время всех пригласили на свои места. Я подождала, пока в моем ряду в середине все усядутся, дожевала бутерброд и приземлилась рядом с «братьями», но многие зрители вообще не стали садиться, а остались рядом со столами, откуда все происходящее было прекрасно видно.

Второе отделение началось с демонстрации пляжных костюмов. Сплошные купальники сменили отдельные, но довольно-таки широкие, а под занавес манекенщицы выходили на подиум почти совсем голые. Публика, особенно ее мужская половина, разогретая пищей и шампанским, неистово реагировала на мелькание голых женских ляжек и животов.

Я сделала снимки двух особенно открытых купальников и собиралась уже отчалить, чтобы не достал Мишка, который сидел через ряд передо мной и подавал мне знаки руками, когда на подиум снова вышла Киселева и торжественно провознесла:

– А сейчас я прошу вас поприветствовать виновника сегодняшнего торжества, автора коллекции, которую вы посмотрели, нашего молодого, но уже известного модельера Алексея Замуруева.

Расшумевшийся было зал снова затих, ожидая объявленную знаменитость городского масштаба. Манекенщицы выстроились в ряд у задней стенки сцены, лысый коротышка стоял с одного края подиума, Марина с протянутой к кулисам рукой – с другого, когда, ослепленный ярким светом софитов, на сцену вышел высокий – выше стоявших рядом манекенщиц – молодой мужчина в темно-синем бархатном костюме. Его кудрявые волнистые волосы красиво обрамляли правильный овал лица с мужественным подбородком. Я даже поднесла «Никон» к глазам, чтобы лучше его рассмотреть.

Что-то сразу показалось мне в нем странным. Даже не то чтобы странным – каким-то болезненным. Лицо его было бледным, будто его посыпали сахарной пудрой, а в больших карих глазах читался испуг. Он слабо улыбнулся Марине, сделал несколько шагов по подиуму, согнулся вперед, как будто его ударили ногой в живот, потом распрямился, но не

до конца, а так, словно он нес на плечах тяжелый металлический рельс, и упал на колени.

Мне прекрасно было видно в объектив, как гримаса ужаса и боли исказила его лицо, изо рта появилась слюна, превратившаяся в пену, и он повалился на бок, конвульсивно сгибая ноги и руки, будто сломанная марионетка. На этом его мучения, можно сказать, закончились, он каким-то образом дополз до края демонстрационной дорожки, перевернулся на спину, свесив голову вниз, и, дернувшись в судорогах, затих. Его лицо с хлопьями пены вокруг рта и страшно выпученными глазами смотрело прямо в объектив. По моей спине пробежал предательский холодок.

В зале повисла гробовая тишина, музыка, лившаяся из динамиков, оборвалась.

– Врача! – выкрикнул кто-то, и тут все забегали и зашумели. Поднялся настоящий переполох. Дамы истошно визжали.

Какой-то плотный мужчина в коричневом костюме из первого ряда кинулся к Замуруеву и стал щупать у него пульс.

«Неплохо бы вызвать милицию», – мелькнуло у меня в голове, и я уже потянулась за мобильником, как вдруг, словно услышав меня, над залом пронеслось четкое:

– Милиция, всем оставаться на местах!

– Так что пока приехала специальная бригада из прокуратуры, пока у всех взяли адреса... – сидя у себя в кабинете с Кряжимским, пересказывала я ему, позевывая, приключившуюся со мной вчера историю. – В общем, я попала домой после двух часов ночи.

– Что же с ним случилось? – Кряжимский потягивал кофе, с интересом слушая мой рассказ.

– Предположительно – отравление. – Я закурила сигарету.

– Отравление? – переспросил Сергей Иванович, поднимая на меня глаза. – Кого-нибудь подозревают?

– Подозревают всех и никого конкретно. В дальнем углу, за сценой и служебными помещениями, обнаружили пять ампул из-под стрихнина.

– Стрихнина? – удивился Кряжимский. – Очень редкий препарат.

– А вы что, интересуетесь ядами?

– Специально – нет. – Кряжимский покачал головой. – Просто вспомнил, что моему знакомому советовал его ветеринар. Для собаки.

– Он что, хотел умертвить собаку? – настал мой черед удивляться.

– Нет, Оленька, просто его собака перенесла какую-то редкую болезнь и получила осложнения, а стрихнин в неболь-

ших дозах, как, впрочем, и почти все другие яды, является лекарством. Вот мой приятель и просил меня помочь ему найти этот самый стрихнин.

– И что же, вы помогли ему?

– К сожалению, нет. Ты знаешь, оказывается, это сейчас большая редкость, не говоря уж о том, что яд хранится, соответственно, под строгим контролем. Так что даже я, с моими старыми связями, не смог ему помочь.

– Значит, если найти источник стрихнина, – во мне проснулся охотничий азарт, – то можно будет выйти на преступника?

– Наверное, – пожал плечами Кряжимский, – а ты никак собираешься снова заняться расследованием? – Он внимательно посмотрел на меня сквозь стекла очков. – Разве этим делом уже не занимается прокуратура?

– Заниматься-то занимается, – я хитро взглянула на него, – но все это произошло у меня буквально на глазах, и, если мы найдем преступника раньше, кому от этого будет хуже?

– Никому, конечно.

– А для тиража нашего еженедельника такая сенсация очень даже не повредит, а? Представляете, заголовки крупным шрифтом: «СМЕРТЬ НА ПОДИУМЕ», а дальше шрифт помельче: «Молодого тарасовского модельера убили за...»

– За что? – спросил Кряжимский, ставя пустую чашку на

блюнце.

– Вот это-то нам и предстоит выяснить. Его могли убить из зависти – он не бесталанный, из ревности – он молод и красив, из мести, – начала перечислять я, – да мало ли из-за чего. Для начала надо собрать побольше информации о Замуруеве и его окружении: друзьях, родственниках, знакомых, работниках его ателье – это первое, этим займусь я.

– Только не надо мне никаких заданий, – взмолился Кряжимский, поднимая руки вверх, – у меня газета...

– Газета не убежит, Сергей Иванович, вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями, и я уже подумываю о том, чтобы повысить вам жалованье...

– Оленька, спасибо тебе, конечно, но мне, одинокому старику, вполне хватает денег, так что...

– Я ничего не хочу слушать, Сергей Иванович, – махнула я рукой, – если вам хватает денег, можете съездить отдохнуть куда-нибудь за границу, а поручение у меня к вам будет не такое уж и сложное: попытайтесь все-таки узнать, где в нашем городе можно найти стрихнин.

Если на Кряжимского надавить, он перестает сопротивляться и начинает сосредоточенно работать. Так и сейчас, зная, что перечить мне бесполезно, он тут же успокоился.

– Хорошо, я попробую, конечно, но ничего обещать не могу, я тебе уже говорил, что занимался этим вопросом.

– Попытка не пытка, – подбодрила я его, – если у вас ничего не получится, подключим еще кого-нибудь. Кстати, вы

никогда раньше не слышали о Замуруеве?

– Только то, что он модельер, – развел руками Кряжимский.

– Ладно, Сергей Иванович, давайте выпьем еще по чашечке кофе для согрева и займемся каждый своими делами: я отправлюсь в ателье Замуруева, а вы...

– ...а я – искать стрихнин, – закончил мою фразу Кряжимский.

– Молодец, Сергей Иванович, хватаете все на лету. Только вам не обязательно куда-то идти, можете заниматься поисками и по телефону.

– Ладно уж, я сам разберусь, – буркнул он и, выглянув за дверь, попросил Марину – нашу секретаршу и мою подругу – приготовить нам кофе.

Глава 2

Застегнув на ходу пиджак, я устремилась к моей «Ладе», припаркованной на стоянке у редакции. Несмотря на то что только что началась вторая половина апреля, погода напоминала конец предыдущего месяца, и люди терялись в догадках: где же оно, это нежное солнце, ласкающее молодую листву, которая только-только начинает покрывать ветви деревьев, где прозрачные, как хрусталь, полдни и лазурное небо?

Я тоже недоумевала по этому поводу, хотя сегодня мне было некогда задаваться разными вопросами по поводу природного вероломства, так как предстояло докопаться до корней вероломства людского. А как вы думали? Любое убийство, не беру, конечно, в расчет романтическое противостояние Кармен и Хозе, является актом предательства. Интересная концепция? Кто-то, может, думает, что убийство требует от человека вдохновения и мужества, принятия на себя полномочий бога, решимости и силы... Пусть думает. Я считаю себя свободной от комплекса сверхчеловека и потому уверена, что больше силы, энергии и героизма требуется на то, чтобы сохранить жизнь, будь то жизнь человека или его брата меньшего.

Я не оригинальна, скажете вы. Но ведь самое ценное в человеческой жизни, как правило, обычно и самое простое.

Банальные истины, как это ни прискорбно, потому и выглядят непрезентабельно и затерто, что прошли немилосердную шлифовку огромным количеством серых будничных дней. Прошли и сохранили свою суть нетронутой, вечной, я бы сказала. Именно в этом и заключается их мнимая банальность, которая на моем языке присвоила себе эпитет «вечные».

Вот такая философия сложилась в моей голове.

Полная убежденности в собственной правоте, я остановилась у очередного светофора. Казалось, красный свет заело. Пешеходы уныло пересекали дорогу, недружелюбно поглядывая на колонну замерших автомобилей. Как-то равнодушно и отчужденно, словно нехотя, заморосил мелкий дождик, и прохожие пораскрывали зонты, также, впрочем, механически и отстраненно. Наконец моргнул зеленый, и я рванула с места. По обеим сторонам снова замелькали испещренные темной оспой дождя тротуары, стекла витрин, обезлюдевшие площади и нахохлившиеся остановки.

Ателье Замуруева располагалось в трехэтажном доме, изнемогавшем от декоративной пышности барочного фасада. Набережная встретила меня угрюмой пустотой и сизой пеленой тяжелых туч, готовых обрушиться в Волгу. Припарковав машину неподалеку и, как всегда, забыв зонт, я ринулась к входной двери. В лицо ударил порывистый ветер, на глазах выступили слезы. Ателье занимало весь первый этаж, остальное пространство заполнили разнообразные конторы

и фирмы. Синие и красные таблички предупреждали входящего об их существовании с характерным официальным лаконизмом.

В дверном проеме я увидела недовольную физиономию угрюмого охранника.

– Добрый день, я в ателье, – сунула я ему под нос мою визитку.

Он бросил на нее не особенно любопытный взгляд и вяло кивнул. Его гигантское, тучное тело, водянистые глаза, напоминавшие мутные объективы, и дрябловатые щеки говорили о несокрушимой уравновешенности. Флегматичные жесты только дополняли впечатление.

Я пронеслась мимо него со скоростью тридцать миль в час и, миновав облицованный гулким мрамором холл, свернула направо. Застеленный ковровой дорожкой коридор привел меня к двери, на которой была прибита бронзовая табличка с надписью: «Ателье. Замуруев А. П., Кожемякина В. Д., закройщики Поливанов С. И., Градецкая С.Р., цех готовой продукции».

Фамилии шли сверху вниз. Я легонько постучала. Не получив отклика, толкнула дверь и переступила через порог. Мне открылась просторная комната, уставленная диванами и аквариумами разной формы и размеров. В глубине располагался овальный стол, за которым худошавая блондинка с резкими чертами лица и короткими топорщившимися волосами оживленно разговаривала по телефону. Она лишь кра-

ем глаза наблюдала за мной. Я сделала еще несколько шагов, ощущая под ногами ровную мягкость ковровина. Его синеватая расцветка гармонировала и с бежевой обивкой диванов, и с бледно-голубыми стенами, по которым, скрывая светлые кашпо, густо вилась кудрявая комнатная зелень.

Здесь не было пальм, что приятно поразило меня. Тропическая растительность, заботливо рассаженная по кадкам зажиточными обитателями нашего скромного провинциального города, некогда казавшегося мне едва ли не Нью-Йорком, успела меня изрядно утомить. Словно несла на себе черты претенциозности и снобистского тщеславия своих хозяев.

Я не пролетарий, нет, просто не люблю подражательной показухи и с трудом переносу людей, страдающих отсутствием собственного мнения и хорошего вкуса.

– Добрый день, – непринужденно поздоровалась я с блондинкой, закончившей разговор по телефону и теперь вопросительно смотрящей на меня.

– Добрый... – Она скептически улыбнулась и встала из-за стола. Было видно, что она не расположена вести беседу, но долг работника солидного ателье заставляет ее проявить минимум вежливости.

– Вы по поводу заказа? – осторожно полюбопытствовала она, с недоумением рассматривая висевший на моем плече «Никон». – Ах нет, вы, наверное, журналистка. Я правильно угадала?

В ее голосе послышался металл. Надо признаться, это

очень шло к ее облику, отрывистым жестам, холодному испытующему взгляду и строгому, идеально сидящему на ее сухопарой фигуре костюму. Стальной цвет костюма и отсутствие украшений только усиливали впечатление «железной леди».

Я поняла, что этого подозрительного цербера в юбке просто так не смягчить и не разжалобить. Надо разыграть небольшой спектакль.

– Вы не далеки от истины в обоих случаях, – как можно любезнее сказала я. – Во-первых, я действительно пришла заказать кое-что, а во-вторых...

– Присаживайтесь, пожалуйста, – не дав мне договорить, указала блондинка на диван у журнального столика.

Я утонула в диванных подушках и, прежде чем успела рассмотреть экзотических обитательниц аквариума, прилаженного к белой колонне рядом со столиком, получила из рук секретарши несколько отлично изданных каталогов.

– Галочкой отмечено, какие модели в наличии, – лаконично прокомментировала блондинка, – а вот последняя коллекция Алексея...

Голос изменил ей, она с трудом перевела дыхание и отвернулась.

– Вы знакомы с ней? – выдавила она из себя, усаживаясь рядом.

– Частично, – равнодушным тоном произнесла я, перелистывая яркие глянцевые страницы.

– Ну, это вряд ли вам будет интересно, – она перевернула сразу несколько страниц, – это для дам в возрасте, а это лекция вечерних туалетов. – Она выжидательно посмотрела на меня.

– Это меня, пожалуй, заинтересует, – улыбнулась я, фокусируя внимание на терракотовой шифоновой кофточке и палевой в коричневых листьях длинной юбке к ней, – по-моему, очень стильно...

– У вас хороший вкус, – со знанием дела отметила блондинка, – а что вы скажете об этом?

Она перевернула страницу и деликатно постучала зажатым между указательным и средним пальцами карандашом по фотографии манекенщицы с высоко взбитыми черными волосами.

Простое темно-фиолетовое платье на тонких бретельках красиво облегало стройную фигуру девушки. Густой оттенок ткани выгодно подчеркивал прозрачную белизну рук и плеч модели.

– Чудесно, – улыбнулась я, – восхитительно!

Блондинка с некоторым недоверием посмотрела на меня, в то время как я всем своим видом изображала сумасшедший восторг.

– Но боюсь, что к моим каштановым волосам пойдет что-нибудь... Вот, какая замечательная модель!

Не заботясь о приличиях, я ткнула пальцем в другую фотографию, изображавшую не менее стройную и красивую де-

вушку с меланхоличным, как мне показалось, взглядом ореховых глаз и блестящими, рассыпанными по плечам каштановыми волосами.

— Господи, — вздрогнула я, — да это же та самая ведущая, как ее... Киселева, да-да, Марина Киселева!

На ней была белая кофточка, открывавшая живот и завязанная спереди живописным узлом. Но изюминка туалета заключалась в том, что блузка выглядела как кофточка только спереди, сзади же вся спина была открыта. Блузка держалась на фигуре благодаря двум тонким перекрещивающимся на спине тесемкам. Брюки с разрезами до колен дополняли этот откровенный наряд.

— Мне кажется, это слишком... слишком... — Блондинка недовольно поджала губы. — Хотя, — вспомнила она о коммерческом интересе ателье, — в некоторых случаях ничего лучше и придумать нельзя. Ох уж эти мужчины...

Она снисходительно улыбнулась и покачала своей коротко стриженной головой. В этот момент дверь в правом углу комнаты распахнулась и на пороге появился светловолосый парень в джинсовом комбинезоне. В его левом ухе болталась серьга в форме католического креста, длинные барашки волос рассыпались по плечам. На ярко-синей майке виднелась часть какой-то английской надписи. Карие глаза парня удивленно уставились на меня.

— Валентина Дмитриевна, можно вас на пару слов? — обратился он к блондинке.

– Станислав, – всплеснула она руками, сразу лишившись маски злобного цербера и неожиданно обретя женственность, – как ты прошел, почему я тебя не видела?

– Света все рассказала мне, – с оттенком горечи в голосе сказал Станислав. – Но мне нужно кое о чем спросить вас тет-а-тет.

– Конечно, конечно, – засуетилась Валентина Дмитриевна. – Посмотрите пока сами, – извиняющимся тоном обратилась она ко мне, – я отойду на секундочку.

– Пожалуйста, пожалуйста, – отозвалась я, принявшись как ни в чем не бывало листать каталог.

Валентина Дмитриевна и Станислав торопливо прошли к секретарскому столу. Она села на свое место, он – по другую сторону овального гиганта, и они стали о чем-то напряженно и озабоченно шушукаться. Иногда до меня долетали отдельные слова, передававшие основной смысл разговора. Я примерно знала, о чем шепчутся «железная леди» и Станислав. Речь, вне всякого сомнения, шла о смерти Замуруева, человека, обеспечивавшего их хорошей работой.

Мне довольно часто попадались фото Киселевой на страницах каталогов. Больше всего ей шло выражение задумчивой грусти или вызывающей пристальности, с которой она порой буравила взглядом смотрящего на фото. Но когда эта красивая шатенка улыбалась, меня не покидало ощущение какой-то холодной фальши. В общем, она казалась то милой и печальной, то соблазнительно-инфернальной. Улыб-

ка подобно ядовитой змее скользила по ее губам, и горящий взгляд исподлобья вкупе с ледяной угрозой, притаившейся в углах рта, придавал ей застывшее очарование женщины-вампа. Пикантно смотрелась родинка над верхней губой.

«С такой неординарной внешностью и умением быть всегда разной Киселева – находка для модельного бизнеса, – подумала я. – Такие красотки должны разбивать мужские сердца и править судьбами».

Я незаметно повернула голову в сторону Станислава и Валентины Дмитриевны. Напряжение на их лицах уступило место какой-то туповатой рассеянности. По всей видимости, разговор подошел к концу. Пожав в очередной раз плечами и выпятив губы, Станислав встал с кресла и направился к двери, из которой появился. Проходя мимо меня, он одарил меня магнетически-вопросительным взглядом.

– Вы у нас что-нибудь заказываете? – спросил он.

– Именно, – суховати ответила я.

– И Валентина Дмитриевна снабдила вас всей этой белибердой, – улыбнулся он, обнажая в улыбке крепкие белые зубы.

У Станислава было скуластое лицо, крупный нос и волевой подбородок. «Такие, – подумала я, – должны нравиться неопытным смазливим дурочкам, но что касается меня... Мне подавай что-нибудь экзотическое!»

И все-таки в интересах дела я решила воспользовать-

ся симпатией, которую вызвала у Станислава. Его мягкий взгляд красноречиво говорил об этом. То ли еще будет, когда я, например, встану и этот кудрявый блондин сподобится милости оценить мои длинные стройные ноги! Я слабо улыбнулась своим глупым мыслям и тут же подняла полный наивности взгляд на Станислава.

– А вы можете предложить что-нибудь лучше?

– Каталоги не дают полного представления о модели, – снисходительным тоном сказал он. – Картинки есть картинки...

– Ну, это ты зря, – расплылась в чарующей улыбке подоспевшая как раз вовремя Валентина Дмитриевна. – Конечно, всем мастерам свойственно это высокомерие...

Она заволновалась, кашлянула и кокетливо посмотрела на Станислава.

Как, эта конторская крыса ничем не отличается от молоденьких простушек? Ничем, что касается пристрастия к определенному типу мужчин? Я едва не засмеялась. Мне почему-то стало жаль Валентину Дмитриевну – такой несвоевременной и уязвимой показалась мне ее страсть... Нет, скорее любовь... или влечение, интерес к Станиславу.

– Валентина Дмитриевна, а что, если наша очаровательная клиентка пройдет в цех готовой продукции и на месте, как говорится, ознакомится с имеющимися в наличии моделями, а?

Станислав устремил на секретаршу жестокий по своей

беззаботности взгляд. Надо было видеть, скольким трудам, какому героическому усилию воли была обязана ее вымученная улыбка, которую она все-таки сумела изобразить на своих изъеденных недовольством и скепсисом губах.

– Как вам будет угодно, – изображая безразличие, пожала она плечами.

Но голос выдал ее – он был обиженным и горьким.

– Вот и чудненько, – обрадованно всплеснул руками и растекся в сладкой улыбке Станислав. – Пойдемте.

Я понимала, что если поднимусь с кресла, то нанесу секретарше жестокий удар. Станислав тут же составит себе представление о моей классной фигуре.

Так и случилось. Едва я поднялась, Станислав прошелся по мне профессиональным взглядом. Валентина Дмитриевна, изобразив на лице холодное отчуждение, деловито и замкнуто собрала каталоги и вернулась на свое рабочее место. Я последовала за Станиславом, радуясь возможности поговорить о Замуруеве не с язвительной мымрой, которая сейчас пялилась на экран монитора, а с симпатизирующим мне молодым человеком.

У самой двери Станислав притормозил, галантно предоставляя мне право войти первой. Мы оказались в огромной, заставленной манекенами комнате. На манекенах были развешаны туалеты. У меня зарябило в глазах: разноцветные ткани, блестки, золотистые отделки, затканное серебром, усыпанные рубиновой и изумрудной крошкой лифы,

сверкающие лазурью и жемчугом кофточки, металлические пряжки, украшенные драгоценностями аграфы, большие и маленькие брошки... Жалюзи были подняты, и все это великолепие, осветившееся невесть откуда появившимся солнцем, грозило ослепить меня.

Около одного манекена суетились и ворковали две девушки. Одна из них придерживала манекен за деревянный стержень, торчавший из его шеи, другая пыталась создать из складок тонкой розовой материи чудо гармонии.

Лица последней я не разглядела: копна черных волос скрывала его, смазливая мордашка той, что придерживала манекен, была замечательна разве только выражением бездумной наивности. На девушках были мини-юбки, дополнением к коим выступали на одной – твидовый пиджак, на другой – бархатное болеро.

– Наташа, Юля, – обратился Станислав к девушкам, которые при нашем появлении оторвались от своего занятия, – это наша будущая клиентка... – Он замялся, вспомнив, что не знает, как меня зовут.

– Ольга, – помогла я ему.

Он благодарно улыбнулся и вопросительно посмотрел на меня: – С чего начнем?

– Не знаю. – Я растерянно озиралась по сторонам, глядя на десятки манекенов. – Может быть, деловой костюм? Не слишком строгий и оригинальный.

– Конечно, – Станислав показал рукой в дальний конец

зала, – давайте пройдем туда.

Станислав показал мне несколько костюмов, но я все отвергла.

– Может быть, что-нибудь из последней коллекции? – Я подняла на Станислава глаза.

– Конечно, конечно, – он замялся, – вообще-то с этим есть небольшая проблема...

– Я была на вчерашнем показе, – с сочувствием в голосе произнесла я, – так что в курсе ваших проблем.

– Вот как, – удивился он, – а я-то смотрю и думаю, где я мог вас видеть? Кажется, вы были с этим шикарным «Ником», да?

– Я профессионально занимаюсь журналистикой, – кивнула я. – Вы читали «Свидетель»?

– А-а, о-о! – вырвалось у него несколько междометий. – Достойная газета... Вы там работаете фоторепортером?

– И по совместительству главным редактором, – скромно улыбнулась я, – только работа фоторепортера нравится мне больше. Честно говоря, мне кое-что приглянулось из последней коллекции Замуруева, и я действительно не прочь что-нибудь для себя заказать, но я гораздо больше буду вам благодарна, если вы поделитесь со мной кое-какими фактами из биографии вашего бывшего начальника.

– Хотите перебивать косточки покойному? – разочарованно хмыкнул Станислав.

– Если я и собираю сплетни, – я сделала вид, что обиде-

лась на его последний вопрос, — то только для того, чтобы раскрыть очередное убийство. Если бы вы угостили меня кофе и ответили на несколько моих вопросов, то я была бы вам очень признательна.

— Ну конечно, пойдемте в мой кабинет. — Он, наверное, понял, что погорячился, и пытался загладить свою вину.

Что ж, тем легче будет вызвать его на откровенный разговор. Я прошла следом за Станиславом в комнату, которую он называл кабинетом. Там стоял длинный широкий стол, покрытый светлым пластиком, на котором лежали большие и маленькие лоскуты тканей самых разнообразных фактур и расцветок, огромные ножницы, портновские лекала и несколько видов пуговиц в прозрачных пластиковых пакетах.

Станислав щелкнул рычажком электрочайника, стоявшего на широком подоконнике, сдвинул в сторону тряпки, лежавшие на столе, и поставил на освободившееся место две маленькие чашечки.

— Ой, да вы садитесь, — опомнился он, пододвигая мне стул. — А может, коньячку?

— Я за рулем, — ответила я, присаживаясь к столу. — Но если немного в кофе...

— Ага, я сейчас. — Он суетливо порывлся в стенном шкафу, заваленном выкройками и лоскутами, и извлек оттуда трехзвездочный «Дагестанский».

Наконец, закончив мельтешить перед глазами, он сел за

стол рядом со мной.

– Если вы не возражаете, начнем с вопроса: кому это было выгодно? – Я сделала глоток кофе и закурила.

– Если вы имеете в виду бизнес Замуруева, то скорее всего никому, – задумчиво произнес Станислав.

– А можно пояснее?.. – выпустила я тонкую струю дыма в потолок.

– Можно и яснее. – Он ненадолго задумался. – Этот бизнес, – он обвел рукой помещение, в котором мы находились, – требует довольно больших затрат, окупающихся очень нескоро, поэтому без спонсора здесь не обойтись. В данном случае нас спонсировал брат Лешкиной жены – Гришка Ложкин, слышали?

– Кажется, он занимается торговлей автомобилями, – вспомнила я.

– Да, – кивнул Станислав, – так вот, со смертью Лешки мы получили двойной удар – потеряли нашего ведущего модельера, имя которого уже было наполовину раскручено, и спонсора, который вряд ли будет продолжать нас спонсировать после смерти своего родственника. Конечно, незаменимых людей нет, есть талантливые модельеры, может быть, и спонсор найдется, но к тому времени, как это произойдет, мы скорее всего просто перестанем существовать как Дом моделей.

Он грустно посмотрел в пустую чашку и, плеснув туда коньяку, залпом выпил его. Мне стало жаль его, и я попыталась

его успокоить:

– Не стоит так отчаиваться, по-моему, у вас прекрасные сотрудники, выкрутитесь как-нибудь, всем сейчас не просто.

– А-а, к черту! – Он резанул воздух рукой. – Сдернуть бы из этой гребаной страны...

– Нет ничего невозможного, Станислав... – Я легонько хлопала его по плечу. – Так, значит, смерть Алексея была вам невыгодна, а врагов у него не было?

– Смотря кого считать врагами, – философски произнес Станислав. – Завистники, наверное, были, а явных врагов я что-то не припомню. Конечно, Ирке могло не нравиться, что Лешка погуливал от нее, но не настолько уж она ревнива, чтобы из-за этого пойти на убийство.

– Кстати, вы были вчера за кулисами перед выходом Алексея?

– Я следил за выступлением из-за кулис, Алексей там тоже суетился: то выбегал к сцене, то снова заходил в свою комнату.

– Говорят, что его отравили стрихнином, нашли ампулы.

– Слышал. – Станислав покачал головой. – Яд подсыпали в бокал с шампанским, Алексей к нему периодически прикладывался для снятия напряжения. Видно, кто-то зашел в комнату и вылил яд в бокал, когда там никого не было.

– Кто-то мог видеть, как убийца заходил в комнату...

– Да туда кто только не заходил.

– Станислав, а как вы думаете, Гриша Ложкин знал, что

Замуруев изменял его сестре?

– Не знаю, он и его ребята периодически бывали здесь и о чем-то беседовали с Лешкой, но я ни разу не присутствовал при их разговорах и не знаю, что они обсуждали.

– Может быть, финансовые вопросы? – предположила я.

– Может, и финансовые. – Станислав налил себе коньяку. – Хотите еще кофе?

– Не откажусь.

Станислав подогрел воду и наполнил мою чашку.

– Пожалуйста. – Он добавил коньяку и пододвинул чашку ко мне. – Хотите еще что-нибудь узнать?

Я закурила сигарету и, закинув ногу на ногу, спросила:

– Ложкин был на вчерашнем показе?

– Конечно, он таскался на все Лешкины шоу и всегда сидел в первом ряду как спонсор, вы, наверное, видели его рекламу в зале.

– «Сервис-авто»?

– Ага, одна из самых крутых фирм в городе.

Он снова опорожнил свою чашку, глаза его немного затуманились.

– Может быть, перейдем на «ты»? – осмелев, спросил он.

– Не возражаю, – поддержала я его порыв, – если подсказешь мне, где я могу найти Ложкина.

– Его контора располагается на третьем этаже комплекса «Звездный», – Станислав предупреждающе посмотрел на меня, – но я бы тебе не рекомендовал соваться к нему с рас-

спросами.

– Почему это? – с тревогой поинтересовалась я.

– Мафиози не любят, когда посторонние суют нос в их дела. Я Лешке давно советовал сменить спонсора, но он меня не послушал.

– Так ты все-таки считаешь, что Ложкин причастен к его смерти?

– Ничего я не считаю, но сам бы я такого спонсора иметь не хотел.

– Почему?

– Да что ты все заладила, почему да почему! – вспыхнул Станислав. – Потому что оканчивается на «у».

– Если бы ты мне высказал свои соображения по этому поводу...

– Ладно, – он резанул воздух рукой, – я тебе скажу. Если Ложкин причастен к смерти Замуруева и если он узнает, что ты копаешься в этом деле, он тебя даже предупреждать не станет, просто прикажет своим гоблинам грохнуть тебя и закопать где-нибудь на Кумыске. А мне бы этого очень не хотелось – ты хорошая девушка и, честно говоря, сразу мне понравилась. Так что подумай хорошенько, нужны ли тебе неприятности.

– Ты что, хочешь запугать меня? – Я достала из пачки сигарету.

– Просто объясняю тебе ситуацию. Не забывай, в какой стране ты живешь.

- Так ты что, считаешь, что нужно оставить все как есть?
- Пусть этим занимается милиция.
- А если милиция не найдет убийцу?
- Тебе-то это зачем надо?
- Значит, по-твоему, пусть преступник гуляет на свободе?
- По-моему, расследованием должны заниматься профессионалы.

– Многие преступления раскрываются журналистами. Неважно, кто найдет убийцу, лишь бы посадить его в тюрьму.

– А если журналисту это будет стоить жизни? – Станислав разошелся не на шутку.

– Не будем о мрачном. – Я сделала несколько глотков кофе. – Я не такой человек, чтобы останавливаться на полпути, так что не отговаривай меня. Мне не нравится философия всепрощения – это прерогатива убогих или очень сильных людей. Ни к тем, ни к другим я себя не отношу, но если я могу что-то сделать, чтобы жизнь в нашей стране стала немного лучше, я сделаю это.

– Да-а, – протянул Станислав, подперев голову рукой, – пафоса – хоть отбавляй, а если копнуть поглубже – ты просто гоняешься за очередной сенсацией для своей газеты.

Я медленно поднялась со стула. Волна праведного гнева ударила мне в голову. Самое главное, что отчасти он был прав, но меня уже понесло.

– Знаешь что, Стасик, – я посмотрела на него сверху

вниз, – мне показалось, что ты приличный парень, а на деле получается, что ты... – Я запнулась, подбирая подходящее определение, и бросила ему: – Ты дерьмо и навсегда останешься им.

Направляясь к выходу, я надеялась, что он остановит меня и мы урегулируем непредвиденную ссору. Никто меня не остановил.

– Ну и черт с тобой, – сказала я. – До свидания, – проходя мимо Валентины Дмитриевны, кивнула я ей.

Глава 3

В течение целого часа я корила себя за несдержанность, проявленную мной при разговоре со Станиславом. Я читала себе разные проповеди и испытывала настоящее чувство стыда. «Уж не больно ли ты высокого мнения о себе? – мысленно спрашивала я себя, направляясь в редакцию. – Может, бросить все это, ограничиться газетными буднями, деловито подписывать бумаги, слушать доводы Кряжимского, пить кофе и подсчитывать прибыль?

Чушь, – одернула я себя, – во что превратится твоя хвале-ная газета, если ты спустишь все на тормозах, если активной жизненной позиции предпочтешь сугубо административную работу? И главное, во что превратишься ты сама? Сможешь ли ты себя уважать?»

Припарковав машину, я поднялась в редакцию, не переставая корить себя и песочить. Черт, такое самокопание тоже имеет свои минусы: вместо того чтобы быстро реагировать на ситуацию и моментально принимать решения, приходится отчитываться перед собой и с утра до вечера разбирать мотивы своих поступков.

Кряжимский встретил меня кислой миной.

– Что такое, Сергей Иванович? – спросила его я, когда мы вошли в мой кабинет.

– Пока ничего узнать не удалось, – горестно покачал он

головой.

Убитый вид Кряжимского действовал на меня раздражающим образом.

– К чему такая печаль! – поддела я его. – Раскисать нам некогда, мне тоже повезло лишь отчасти. Давайте лучше перекусим.

Я подмигнула немного растерявшемуся заму и вызвала Марину. – Мариночка, организуй нам замор червячка, – намеренно беззаботно и весело, чтобы ободрить Кряжимского, сказала я секретарше.

Марина понимающе посмотрела на меня, потом на Сергея Ивановича, кивнула и исчезла за дверью. С моими гастрономическими пристрастиями она была более или менее знакома, и я была уверена, что она не подведет.

– Ты сказала, что тебе все же повезло, – вернулся Кряжимский к прерванному разговору.

– Собой я, конечно, не особенно довольна, а что касается дела... Мне удалось выяснить следующее: Замуруева спонсировал Ложкин, Замуруев был женат на его сестре и погуливал от нее. Но знал ли об этом Ложкин, да и сама его сестренка?... В любом случае это не мешало бы узнать. Не исключено, что смерть Замуруева – дело рук Ложкина. Мотива два: финансовые проблемы, разборки то есть, и месть за поруганное имя сестры.

– Фамилия знакомая... – задумчиво произнес Кряжимский.

– Еще бы! Ложкин ведет автомобильный бизнес. Слышали о такой компании: «Сервис-авто»?

– Не один раз. – Сергей Иванович потер подбородок. – И что же ты намерена делать?

Кряжимский поднял на меня пытливый взгляд.

– Встретиться с сестрой Ложкина, а если понадобится, то и с ним самим.

Кряжимский даже присвистнул.

– Что такое, Сергей Иванович, вы чем-то удивлены? – спросила я, глядя в его расширенные от испуга глаза.

– Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что Ложкин – мафиози. Весь автомобильный бизнес контролируется подобными экземплярами, и твое намерение встретиться с ним выглядит по меньшей мере наивно...

– Вы заметили, что в этой стране наивными называют всех, кто хочет хоть что-то сделать для ее блага? – язвительно сказала я, вспомнив разговор со Станиславом.

– Я не хотел обидеть тебя, Оля. Кому как не мне знать, что ты за человек и из каких передраг нам приходилось иной раз выбираться...

– И успешно, Сергей Иванович, выбираться, – подчеркнула я, – так что прочь скепсис и подавленность!

В этот момент дверь распахнулась и на пороге возникла Марина. Ее щеки полыхали пурпурным румянцем, глаза блестели.

– Что, на улице по-прежнему холод? – игриво спросила я.

– Ага. – Марина подошла к столу и стала выгружать гастрономические трофеи. – Пришлось до супермаркета прогуляться.

– Свежий воздух тебе на пользу, – повеселел Кряжимский.

Он с видимым удовлетворением разглядывал яркие этикетки.

– Сервелат московский, здесь «Данон», – Марина выгрузила упаковку йогуртов, – сыр, салат крабовый... Так, что еще? – Марина убрала с лица темную прядь.

– А как насчет ста граммов? – пошутил Кряжимский.

– А вот этого нам не надо, – смеясь, сказала я, – рановато еще, дел по горло!

– Кофе будет готов через несколько минут. – Выслушав благодарственные слова, Марина захлопнула дверь.

– Ой, тут и пирожные, ну прямо пир на весь мир! – облизнулся Кряжимский.

– Угощайтесь, – пригласила я Сергея Ивановича к трапезе, открывая пластиковую коробочку, где аппетитно розовело крабовое мясо.

– И когда ты планируешь навестить сестру Ложкина? – невнятно, с набитым ртом, поинтересовался Кряжимский.

– После того как вы узнаете, где сия гражданка проживает. В адресный стол обращаться не надо – всем известно, какие у вас, Сергей Иванович, обширные знакомства и связи... – Я бросила на Кряжимского взгляд заговорщицы.

Он чуть не поперхнулся.

– Узнать-то я могу, только вот... – Он замешкался.

– Не волнуйтесь вы так! Будем держать связь по мобильным, все будет нормально.

– Я вот думаю, а что, если Замуруеву отомстил кто-нибудь из его конкурентов?... – Кряжимский уставился на меня.

– Вы хотите сказать, модельеров? – уточнила я.

Кряжимский кивнул.

– Вполне возможно. Но, как вы сами понимаете, в ходе любого расследования приходится рассматривать и вести несколько версий. Отработаем пока версию с Ложкиным, потом, в случае если он окажется непричастным к гибели Замуруева, займемся кем-нибудь другим.

Я приступила к сыру. Марина внесла поднос с кофейными чашками.

– Спасибо, – поблагодарила я ее. – Сергей Иванович, – обратилась я к Кряжимскому, – сегодня я уже на работе не появлюсь, так что звоните и... чуть не забыла, кроме адреса сестры Ложкина, мне нужно знать, где проживает и сей автомобильный босс.

* * *

Ложкина Ирина Викторовна жила в трехэтажном особняке за Сенным рынком. Я неплохо знала этот район, и найти краснокирпичное, довольно безвкусно оформленное

строение мне не составило большого труда. Отделенный от остального мира высокой стеной дом скорее напоминал неприступную крепость.

Еще бы ров прорыли, как в средневековье, неодобрительно подумала я, привставая на цыпочки. Мне удалось разглядеть лишь верхний этаж и крышу. Псевдоготические башенки, призванные придать этому каменному чудовищу художественную неоднозначность, вызвали у меня ироническую усмешку. Заимствованные из неопознанного архитектурного стиля и перенесенные на неблагоприятную почву новоявленных местных латифундистов, они были здесь сбоку припека и выглядели прямо-таки уморительно.

Рядом со стальной дверью я заметила звонок. Нажав на него без всяких колебаний, я услышала искаженный фоном женский голос:

– Кто?

– Бойкова Ольга, – представилась я, не особенно, впрочем, рассчитывая, что мое имя произведет хоть какое-то впечатление на хозяйку, – мне нужно срочно с вами поговорить.

– У меня нет времени, – жестко произнес голос.

– Мне нужно поговорить о вашем муже, – твердо сказала я, – о Замуруеве Алексее.

– Если вам известно, что с ним случилось, то ваша настойчивость тем более непонятна, – отчеканил голос.

Мне казалось, что я разговариваю со средневековым рыцарем: голос был железным и глухим одновременно, точно

шел из-под забрала.

– Как раз об этом я и хотела с вами побеседовать, – стараясь побороть отчаяние, громко произнесла я.

Повисла грозная пауза. Я не могла не отдать должное своей интуиции – через минуту дверь открылась и охранник, здоровый парень в камуфляже, появился на пороге.

– Че названиваешь? – хмуро спросил он. – Непонятно, что ли, не до тебя сейчас, иди своей дорогой.

– Мне нужно срочно поговорить с твоей хозяйкой, – сделала я последнюю жалкую попытку пробиться в особняк, – не смог бы ты передать ей записку?

Решение пришло ко мне спонтанно. Парень неуверенно пожал плечами.

– Валяй, – с вальяжной снисходительностью произнес он, привалившись к металлическому косяку.

Я достала из сумки ручку и, вырвав лист из блокнота, черкнула: «Я – главный редактор «Свидетеля». Если вы упустите возможность поговорить со мной, не исключено, что это плохо отразится на вашем брате. У меня есть сведения, что милиция подозревает именно его».

Я не обольщалась надеждой, что эта записка окажется решающим аргументом в мою пользу, но чем черт не шутит?

Лениво взяв записку, парень скрылся. Металлическая дверь с гулким грохотом закрылась. Я осталась стоять на месте, лихорадочно соображая, с чего начать разговор с женой Замуруева. Вскоре до меня донеслись тяжелые шаги. Дверь

открылась, и все тот же неторопливый охранник бросил мне:
– Можешь войти... ненадолго.

Я вступила во владение Замуруевых со смешанным чувством радости и тревоги. Двор был поистине огромным. Справа располагались гараж, баня и еще какое-то бесформенное, но добротное строение, слева – затянутый толстой полиэтиленовой пленкой бассейн.

Я пересекла двор под неусыпным контролем охранника и, поднявшись по ступеням, замерла в нерешительности перед высокой обитой деревом дверью. Я, конечно, подозревала, что основа у нее железная.

– Не бойтесь, – осклабился охранник, – входите.

Я нажала на бронзовую ручку и очутилась в просторном холле, дубовые стены которого были украшены картинами с русской тематикой и шкурами животных. Огромная голова бурого медведя, помещенная под самым потолком, уставилась на меня стеклянными глазами. Холл и гостиную красиво разделяла арка. Я сделала несколько шагов по направлению к ней и, заглянув в гостиную, увидела высокую блондинку с пышной, не уместившейся в шелковом халатике грудью и крутыми бедрами. Блондинка стояла на площадке покрытой лаком деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, и недружелюбно изучала мою удивленную физиономию.

Длинные прямые светлые волосы доходили ей почти до талии. Лицо не отличалось ни тонкостью, ни каким-либо особенно замечательным выражением. На нем застыло тупое

недовольство и чванливое высокомерие.

– Здравствуйте, – смущенно сказала я, обводя взглядом заставленные чучелами бедных животных хоромы.

– Здравствуйте, – нехотя, как-то нараспев произнесла блондинка. – Садитесь, раз уж пришли.

Я присела на краешек кожаного дивана перед огромным, напоминающим пещеру камином.

Блондинка неторопливо спустилась и, подойдя к стойке бара, поблескивающей деревянной лаковой поверхностью, открутила пробку на темной пузатой бутылке и стала наливать себе в стакан какую-то коричневую жидкость.

«Виски, наверное», – решила я.

– А вы что пьете? – снисходительно осведомилась она у меня. – Виски, бренди, коньяк, водку?.. А может, коктейль?

Я следила за ее движениями. На миг она замерла со стаканом в руке, потом поднесла его к губам и залпом выпила все содержимое.

– Спасибо, я за рулем, – мягким голосом сказала я. – Если только соку...

– Может, вы сами о себе позаботитесь? – пренебрежительно бросила она. – Идите сюда, здесь все, что нужно.

Я подошла к бару. Хозяйка открыла незаметную на деревянной панели дверку в стене и вынула несколько коробок сока.

«Здорово придумано, – мысленно подивилась я стенному холодильнику. – Чего только не увидишь у наших богачей!»

Надо сказать, что роскошная обстановка гостиной была довольно безвкусной. Тяжеловесная мебель, выполненная под дорогую антикварную, почти полностью сливалась с красно-коричневыми стенами. Гармонии, на которую рассчитывали хозяева, не получилось. Не помогали ни шкуры, лежащие и развешанные всюду, где только можно, ни зеркала, ни безделушки.

– Слушаю вас. – Налив себе новую порцию виски, Замуруева прошла к дивану и устало плюхнулась на него.

На ее простом, даже грубом лице я не заметила следов переживаний и слез. Она казалась совершенно невозмутимой. Ее голос ни разу не дрогнул, взгляд не увлажнился. Да уж, гонора и заносчивости ей занимать не приходилось.

– Я уже представлялась, поэтому повторяться не буду, – уверенным голосом начала я, присев неподалеку на низкое широкое кресло. – Хотя для меня было полной неожиданностью известие, что вы знаете, кто я.

– Станислав звонил мне, говорил о вас. – Замуруева опрокинула в рот виски и, слегка поморщившись, шмыгнула своим утиным носом. – Вы были Лешкиной подружкой?

Она тупо посмотрела на меня. Сестра Ложкина явно относилась к тем людям, кто не терпит противоречий со стороны кого бы то ни было.

– Нет, я не была его, как вы выразились, подружкой... Замуруева недоверчиво усмехнулась и икнула. Я подумала, что те две порции виски, которые она махнула в моем

присутствии, не первые и не последние в ее дневном рационе.

– Странно, – с рассеянным видом произнесла она, – я так к этому привыкла... Вас, наверное, удивляет, что я не реву, не бьюсь в истерику... А мне, знаете, все это жуть как надоело. И прислуга надоела, и тусовки Лешкины, и рестораны, и его постоянные отлучки. Но теперь, – в ее голосе послышались всхлипы, – теперь он отлучился навсегда.

Она быстро справилась с волнением, только устало провела рукой по лбу, гладкому, как у куклы из универмага.

– Все, кончился праздник, – горько сказала она, – а мне наплевать!

«Это я вижу», – мысленно прокомментировала я ее реплику.

– Извините за нескромный вопрос, Алексей вам изменял? – Я бросила на Замуруеву сочувственный и невинный взгляд.

– А вот это не ваше дело! – взъерепенилась она, резко встала и поспешила к бару.

– Простите. Но ведь и милиция будет задавать вам такие же вопросы...

– Милиция... Ха-ха! Да мой брат только моргнет – и милиции след простыл. Вы верите в милицию, в этих козлов, которые только и знают, что попрошайничать?

Замуруева судорожно рассмеялась.

– Но ведь нельзя всех в одну кучу, – попыталась я восста-

новить справедливость.

– К черту! – махнула рукой Замуруева, бросая лед в стакан с виски.

Она выпила очередную порцию и теперь, облокотившись о стойку, тихо и печально раскачивалась в такт своим невеселым мыслям.

– А в каких отношениях был ваш брат с Алексеем?

– В дружеских, – по-идиотски захохотала Замуруева. – А если конкретнее, вы ведь любите конкретность, – произнесла она с вызовом, – Леша мой дорогой Грише зад лизал, ясно? Ну, это когда ему срочно денежки были нужны, а вот когда он чего-нибудь достигал, когда вокруг него начинали разные там журналисты виться, хвалебные песни ему петь да в своих продажных газетенках о его коллекциях статейки печатать, вот тогда мы гордыми становились, неприступными да еще приказывать норовили! А-а, ладно...

Она направилась к лестнице. Я как замороженная смотрела на нее.

– Я сейчас, – бросила она. – Пейте пока ваш сок.

Прошло по крайней мере минут пятнадцать, прежде чем Замуруева спустилась в гостиную. Теперь на ней были расклешенные велюровые джинсы и белая футболка, готовая, казалось, вот-вот треснуть на ее гигантской груди. Развинченной, шаткой походкой она подошла к дивану и медленно опустилась на него. Глаза ее странно блестели. Замуруева неожиданно растеклась в блаженной улыбке и, глубоко

вздохнув, откинулась на спинку дивана, заведя руки за голову.

– Ой, как хорошо! – облегченно выдохнула она. – Совсем другое дело. Так на чем мы остановились?

В ее голосе появилась непринужденная интонация, словно она испытала умиротворяющее действие какого-то лекарства.

– Вы сказали, что у Алексея были подружки, – решила я вернуться к интересующей меня теме, надеясь, что Ирина уже не помнит, о чем мы говорили.

Она обвела задумчивым взглядом комнату и уставилась в окно.

– Ну были, и что? – Она перевела взгляд на меня.

– Вы имеете в виду, что он изменял вам? – была я в одну точку.

– Ха-ха-ха, изменял? – Ее лицо словно передернуло нервным тиком. – Наверное, изменял, все мужики одинаковые, пользуются, когда подвернется смазливая бабенка. А уж в шоу-бизнесе таких возможностей хоть отбавляй. Все эти показы, конкурсы, дефиле, длинноногие плоские модели неопределенного пола.

«Да уж, твою принадлежность к слабому полу никак нельзя назвать неопределенной», – глянула я на распираемую грудями футболку.

– Вы его ревновали? – спросила я, вынимая из кармана пачку сигарет.

– Не настолько, чтобы из-за этого травить его стрихнином, если вы это имеете в виду, – она с сожалением покачала головой, – но в постели он был хорош, не супер, конечно, но не дохляк. Да ты, наверное, и сама знаешь... – как бы невзначай бросила она.

«Да, она не дура, – подумала я, – или просто хитрит? Берет меня на пушку? Раз она перешла вдруг на «ты», то и я «выкать» не буду».

– Вчера на показе я его увидела первый и, как оказалось, последний раз, – твердо (тем более что так это и было) произнесла я и закурила.

– Правда? – Она смотрела куда-то в угол. – Ну ладно, может быть, и так, а что ты тогда лезешь со своими расспросами?

– Я уже раскрыла несколько убийств, может быть, это произошло и случайно, не знаю, но мне кажется, что у меня это получается. А ты не хочешь узнать, кто убил твоего мужа и за что? Или ты знаешь, что это сделал твой брат и поэтому предпочитаешь, чтобы все осталось в тайне?

Наверное, мне не стоило так вот в лоб спрашивать у нее о брате. Глаза Ирины налились кровью и выпучились, как у рака. Она медленно поднялась с дивана и двинулась на меня, явно не для того, чтобы чмокнуть меня в щечку. В руках у нее откуда-то появился тяжелый стакан из-под виски.

– Ты чего несешь, сучка? – процедила она сквозь зубы. – Хочешь Гришку подставить?

Я стала лихорадочно соображать, что можно предпринять в такой ситуации. С ней я, конечно, справилась бы – несколько уроков рукопашного боя, преподанных мне Витькиным приятелем из спецназа, оказались очень полезными и действенными, – но прибежит охранник, с которым мне не справиться. Не вызывать же сюда подмогу – и из-за чего? Нужно было выходить из положения, в которое я сама себя загнала, собственными силами. Как говорил Остап Бендер, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. А может, это говорил не он?

В данный момент это не имело особого значения, потому как расстояние между мной и разъяренной, находящейся под воздействием алкоголя и какого-то «лекарства» Ириной Замуруевой катастрофически сокращалось. Между нами оставалось не более двух метров.

И тогда я применила испытанный не раз метод ошарашивания оппонента. Я называю его «психотушка» (от «психологическая колотушка»). Этот метод прост и психологически обоснован. Не буду вдаваться в подробности, просто скажу, что, когда объяснения и логические доводы не помогают утихомирить собеседника или насильника, нужно задать ему вопрос, которого он никак не ожидает от вас услышать.

На этот раз я немного рисковала, потому что сама суть задаваемого вопроса была для меня не ясна. Я не была уверена, что действительно догадалась, зачем Замуруева бегала вверх. Но даже если я и ошибалась в этом, вопрос все равно

должен был подействовать.

– Почему кокаин берешь? – произнесла я негромко, но четко, глядя прямо в ее выпученные глаза.

– По сотке, – инстинктивно ответила Замуруева и опустила занесенный над головой стакан.

– Не фуфло? – продолжила я игру, встала и медленно отодвинулась в сторону.

– А ты чего, тоже балуешься? – уже без угрозы в голосе спросила Замуруева.

– Так, иногда, – невозмутимо ответила я, направляясь к стойке, где оставила свой стакан с соком, – когда нервишки расшались.

Замуруева подошла следом, поставила рядом свой стакан, которым только что собиралась раскрыть мне голову, и, плеснув в него из бутылки, снова устроилась на диване. Я осушила свой стакан с соком до дна, только сейчас почувствовав нервную дрожь под коленками.

– Я думала, мне крышка, – сказала я, устраиваясь в кресле и закуривая сигарету.

Замуруева весело рассмеялась.

– Гришка – хороший человек, – произнесла она, немного успокоившись, – так что его не трогай. Я за него голову любому оторву.

– Верю, – усмехнулась я, выпуская дым через нос.

Мы посидели немного молча: она – потягивая из стакана, я – дымя сигаретой.

– Хочешь «дорожку»? – наконец спросила Ирина.

– Может быть, в другой раз, – отказалась я. – Ты не ответила на мой вопрос.

Я думала, что она уже забыла, о чем я ее спрашивала. Но она помнила.

– Хочу ли я узнать, кто убил Лешку? – Она сделала глоток из стакана и пожала плечами. – Какое это имеет значение?

– То есть как? – искренне удивилась я. – Неужели тебе все равно?

– Ну, представь, – она отбросила с лица прядь упавших волос, – что ты нашла его убийцу, и что дальше?

– Он понесет заслуженное наказание, – неуверенно произнесла я.

– Мне от этого станет легче? – Последовал еще один глоток из стакана.

– Только не говори мне, что тебе все равно, найдут убийцу Алексея или нет. – Я внимательно посмотрела на нее. – Я не поверю.

– Это твое дело. – Ирина пожала плечами. – Но, по-моему, Лешка получил то, что заслужил.

– Значит, ты знаешь, что за ним водились какие-то грехи?

– Грехи? – переспросила она и пожала плечами. – Наверное, их у него было не больше, чем у других. Я имею в виду, что за все в жизни приходится платить. Закон кармы.

– Закон кармы предполагает, что человек рождается, уже неся на себе грехи предыдущих поколений. Если следовать

этой философии, то земная жизнь нам дается, чтобы попытаться искупить их. Только вот вопрос: как это сделать? Кто оценит, праведный поступок совершил человек или нет? Так что, мне кажется, все эти рассуждения о законе кармы, о всемилостивом боге, который якобы создал нас, но гарантировал отпущение всех грехов только при каких-то определенных условиях, – все это сказки для сирых и убогих, для тех, у кого нет индивидуальности, кого тянет в стадо. Может быть, ты говоришь так про Алексея потому, что он был творческим человеком, не связанным условностями морали?

Меня куда-то понесло, но, к моему удивлению, Ирина внимательно слушала мой небольшой экспромт. Она забыла про свой стакан и даже приоткрыла рот к концу моего монолога.

– Потрясающе! – наконец произнесла она. – Здорово! Может быть, продолжишь свою мысль?

– Да вообще-то я все сказала, что хотела, – немного осадила я ее. – Не забывай, что мы говорили об Алексее. Ты хочешь, чтобы его убийца был наказан?

– Хочу, хочу! – вдруг выкрикнула она, приподнимаясь с дивана. – В глубине души, – произнесла она уже тише и не так уверенно.

– Ты любила его?

– Сначала – да, любила, – задумчиво сказала она и опорожнила стакан. – Но все проходит, так что, если хочешь знать, я жалею о его смерти только как о смерти приятеля –

не больше.

– Ты так и не сказала, он изменял тебе?

– Не знаю, свечку не держала. – Замуруева снова повысила голос. – Какое это теперь имеет значение?

– Может, его убила любовница? – предположила я. – Больно уж способ убийства какой-то женский.

– Почему это? – подняла брови Замуруева.

– Ну как бы это тебе объяснить... Мужчина бы воспользовался ножом или пистолетом, понимаешь? А здесь яд. В наше время довольно редкое орудие убийства. Кстати, вы в доме не держите стрихнин?

– Ты опять за свое? – насупилась Ирина, но как-то не все-рьез. – Нет, стрихнин не держим. Может, все-таки кокаинчику, а?

Я поняла, что больше от нее ничего не добыю, и, отказавшись, стала прощаться.

– Ты заходи как-нибудь – поболтаем, – предложила она на прощание. – С тобой интересно. Или если нюхнуть захочешь...

Я поблагодарила ее и поинтересовалась, где я могу найти ее брата.

– Он частенько обедает в кафе «Дрюон», – с укоризненным вздохом ответила она.

Глава 4

«Да, вдову Замуруева не назовешь безутешной, – думала я по дороге в кафе. – Она трезво смотрит на вещи, несмотря на то, что выпивает и употребляет кокаин». Хотя она и разговорилась к концу нашей беседы, но, суммируя то, что я от нее узнала, я пришла к выводу, что, по существу, мне не удалось добиться от нее абсолютно ничего.

Ну да ладно, отрицательный результат – тоже результат. По крайней мере у меня сложилось о ней определенное мнение, что тоже немаловажно. Умная и хитрая дамочка, которая постаралась произвести на меня впечатление этакой простушки. Одно ее восклицание «потрясающе!» чего стоит. А может быть, и виски, и наркотики – это тоже игра? Только зачем ей все это нужно? Хотя с наркотиками, наверное, так ловко сыграть нельзя. В общем, впечатление неоднозначное.

Кафе «Дрюон» встретило меня полумраком и низкими сводчатыми потолками, под которыми плавали легкие слои сигаретного дыма. Закинув «Никон» за спину, я устроилась на высоком табурете у стойки бара. Зал был полупустой или наполовину заполнен – мне лично больше нравится первое определение. Я спокойно ждала, когда бармен, занятый разговором с низким бородатым крепышом, закончит беседовать с ним и обратит на меня внимание. Точнее говоря, внимание-то он на меня обратил, но, видимо, разговор был до-

статочно серьезным, чтобы он мог бросить своего босса и кинуться ко мне. То, что этот коротышка – начальник, сразу было видно: он не слушал ничего, что пытался ему объяснить бармен – высокий худощавый парень в белой сорочке с галстуком-бабочкой и в коричневой кожаной жилетке, – а сам говорил без умолку, не глядя на собеседника и делая резкие смешные движения. Бармен все поглядывал в мою сторону – кажется, нравоучения ему порядком надоели.

Наконец, освободившись, он подошел ко мне, сделав незаметный для хозяина жест рукой, означавший: что поделаешь, начальник... Я понимающе улыбнулась ему и заказала персиковый сок.

– К сожалению, персиковый закончился, есть замечательный сок ассорти из бананов, ананасов, киви, манго и апельсина... – Он выжидательно смотрел на меня, готовый выполнить мой заказ.

– Хорошо, пусть будет ассорти, – согласилась я, доставая пачку сигарет.

– Вам со льдом? – уточнил он.

– Да нет, просто охлажденный.

Пока он доставал из холодильника пакет с соком и наливал его в высокий стакан, я окинула взглядом зал. Мое внимание привлек сидевший у стены блондин лет тридцати двух, только что закончивший трапезу и потягивавший какой-то напиток из такого же, как у меня, стакана. У него было вытянутое лицо с круглым подбородком, длинный мяси-

стый нос и короткий ежик пепельно-желтых волос. Одет он был в тонкий кашемировый джемпер светло-терракотового цвета с черным орнаментом и какую-то бесформенную куртку, рукава которой были отстегнуты, и таким образом она была превращена в жилетку.

– Пожалуйста. – Игорь Чикин – а именно это имя я прочла на бэйдже – пододвинул мне стакан.

– Спасибо. – Я поманила его пальцем. – Слушай, Игорь, ты знаешь того блондина? – кивнула я головой в сторону стены.

– Что, понравился? – ухмыльнулся он и отрицательно покачал головой. – Что-то не припомню.

– А ты подумай. – Я положила на стойку пятидесятирублевку, которая тут же исчезла в жилетном кармане.

– Гриша Ложкин, – уважительно произнес Чикин, к которому сразу же вернулась память, – крутой дяденька, не смотри, что он так вырядился.

– А сестра похожа на него, – скорее про себя, чем вслух, произнесла я, но Игорь расслышал меня.

– Ты знаешь Ирину? – удивился он.

– Немного. – Я равнодушно пожала плечами, забрала стакан с соком и, пройдя через зал, села за свободный стол позади Ложкина.

Положив «Никон» на стол, я потихонечку пила сок. В кафе подтягивались новые клиенты – все больше молодежь в возрасте двадцати – двадцати пяти лет, большинство из ко-

торых подходили к стойке. Мне показалось странным, что долго они там не задерживались – выпивали полстакана минералки, расплачивались и тут же исчезали под входной аркой.

Что у них там, засуха, что ли? Погода ведь стоит не жаркая, мягко говоря. Когда очередной посетитель – парень в рыжей замшевой куртке – занял место на табурете, я прислонилась к стене и, поднеся фотоаппарат к глазам, нашла его в видоискатель. Мощный объектив многократно сократил расстояние, и я прекрасно видела его руки с зажатой в них бумажной купюрой. К сожалению, я не рассмотрела ее достоинства, но почему-то не сомневалась, что ее обладатель получит взамен стакан минералки.

Так оно и случилось. Парень сделал из стакана пару глотков и снова поставил его на стойку. Ладонь свободной руки он положил на то место, откуда поднял стакан, что-то взял со стойки и, быстро сунув себе в карман, направился к выходу.

Черт побери, снова наркотики? Неужели вот так – внаглую? Я опустила аппарат на стол и задумалась. Что мне это может дать? Я достала из пачки сигарету и закурила. Мимо сновали официанты в белых сорочках, обслуживая посетителей. Я допила сок, оказавшийся действительно очень вкусным, и, накинув ремешок «Никона» на плечо, направилась в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Проходя мимо бара, я заметила в зеркальной стене, что Ложкин, встав со своего места, не спеша движется за мной.

Он сделал знак Чикину, кивнув тому головой в мою сторону. Сердце мое опустилось до самых пяток. «А что, если Ложкин видел, как я наблюдала за Чикиным при помощи фотоаппарата? Нет, он не мог этого видеть, потому что сидел спиной ко мне, — успокоила я себя. — А если он видел это в зеркале? Тоже нет, зеркало расположено слишком высоко и со столика в нем невозможно увидеть свое отражение».

И почему это ты решила, что Ложкин знает, чем занимается бармен и имеет к этому какое-то отношение? Кажется, в романах это называют интуицией или голосом свыше. Так или иначе, но Ложкин с Чикиным направлялись за мной.

Не слишком ли ты высокого мнения о своей персоне? Может, Ложкину просто нужно в туалет? Но для этого не обязательно звать с собой бармена. Да и жест Ложкина, которым он подзывал Игоря, не оставлял тому никакого выбора. Если бы Ложкин хотел, не знаю уж почему, прикончить меня, то вполне бы мог справиться с этим один — когда я увидела его отражение в полный рост, я по достоинству оценила его богатырскую комплекцию. Но если они не собираются меня трогать, значит...

Такой вот сумбур полусвязных мыслей пронесся в моем воспаленном мозгу за те секунды, которые мне понадобились, чтобы дойти до дверей в туалет. То ли со страху, то ли под действием какого-то странного магнетизма, но я почему-то открыла дверь, на которой висела табличка с дымящейся трубкой, и вошла. Там никого не было, и, лишь уви-

дев на стене эти фаянсовые штучки, которыми могут пользоваться только мужчины, я поняла, что очутилась в мужском туалете. Этого мне еще не хватало! Но вместо того, чтобы пулей вылететь обратно, я как замороженная стояла на кафельном полу, а сзади уже слышались неумолимо приближающиеся шаги.

Какая-то сила заставила меня открыть дверь кабинки и толкнула внутрь. Я осторожно, чтобы не шуметь, закрыла задвижку и поднялась на две ступени к унитазу, дабы вид моих симпатичных ножек, обутых в милые замшевые туфельки, не смутил направлявшихся сюда мужчин.

Когда они открыли дверь и вошли, я определила в одном из говоривших Чикина. Он был радостно возбужден и лепетал бодро, но заискивающе:

– Григорий Викторович, сегодня прямо паломничество какое-то, идут и идут, у меня уже товар кончается, я поэтому и делал вам знаки, чтобы сообщить.

– Ты идиот, Гоша! – Второй голос, грубый и властный, принадлежал, без сомнения, Ложкину, которого Гоша называл по имени-отчеству. – Что, нельзя было записку передать?

– Ну... это... – начал было оправдываться Чикин, но Ложкин бесцеремонно перебил его:

– И запомни, я тебе «добро» на торговлю здесь не давал, но если уж ты сам решил, что тебе так проще, то если что – ты меня не знаешь, понял?

Тугая струя ударила в писсуар, в то время как Гоша пы-

тался что-то промямлить в свое оправдание:

– Так я ведь...

– Товар получишь, как обычно, – снова не дал ему договорить Ложкин. – Если нужно больше, так бери больше сразу, я тебе сюда таскать его не буду. Да деньги гони, если все уже распишал.

– Еще одна доза осталась, Григорий Викторович...

– Ну ты и хам, Гоша. – Казалось, что Ложкину нравится проговаривать имя Чикина. – Ты, Гоша, получаешь от меня товар на реализацию по семьдесят, толкаешь по сотне да еще с деньгами думаешь меня динамить. Да я, Гоша, тебе такое динамо устрою!..

Голос Ложкина опустился до шепота, но был таким грозным, что тонкие перегородки в туалете завибрировали.

– Ну что вы, я, конечно... я уже и сам приготовил, – залезил Гоша. – Вот, пересчитайте, тысяча четыреста, за двадцать доз.

– Я считать не буду, – немного мягче произнес Ложкин. – Ты ведь знаешь, что ошибаться не в твоих интересах. Ты как сапер, Гоша, – хохотнул Григорий Викторович, – можешь ошибиться только один раз. Второй возможности тебе, Гоша, не представится.

– Да, ну... конечно, Григорий Викторович, я все понимаю, только хотел попросить вас: следующий раз дайте тридцать.

– Как скажешь, Гоша, – пробасил Ложкин. – Только теперь деньги вперед, понял?

– Так ведь...

– Понял, я спрашиваю? – не дал ему договорить Ложкин и затопал к выходу. – Скажи еще спасибо, что я тебе отдаю по той же цене.

– Спасибо, спасибо, Григорий Викторович, я все понял, – послышалось уже из-за двери.

Минуты три я неподвижно стояла над журчащим унитазом, переваривая услышанное, потом открыла дверь, выбежала из мужского туалета и забежала в свой родимый.

Взглянув на себя в зеркало, я поразилась, каким бледным было мое лицо. Да-а, пожалуй, Ирине не стоит бояться, что кто-то может обидеть ее брата. Такой и сам сумеет постоять за себя.

Быстренько припудрив лицо и подкрасив губы, я вышла в зал. Ложкина за столиком уже не было, и я присела на табурет у стойки. Чикин, не знавший, что я слышала их недавний разговор, с веселой улыбочкой поспешил ко мне.

– Еще соку, красавица?

Я отрицательно покачала головой и достала из сумочки стодолларовую купюру.

– Нет, Гоша, минералки. – Я положила сотню на стойку.

У Гоши заблестели глазки, но он деньги не взял – видимо, кому попало товар он не отпускал.

– У меня сдачи нет, – хмуро произнес он.

– Да ладно тебе, меня же Ирка послала, – решила я блефануть.

На этот раз я попала прямо в «яблочко».

– Чего ж ты сразу не сказала. – Сотня исчезла со стойки, и на ее месте появился стакан, под которым я заметила белый прямоугольничек.

Я подняла стакан и, накрыв прямоугольничек ладонью, сунула его в сумочку.

– А теперь, Гоша, – я поманила его пальцем, – мне нужно тебя кое о чем спросить.

– Чего еще? – недовольно спросил он, но подошел поближе.

– Ты знал Лешу Замуруева?

– Ну, знал. – Он оторопело посмотрел на меня.

– В каких отношениях он был с Ложкиным?

– Ты че, летишь, подруга? – с угрозой в голосе произнес он.

– Нет, Гошенька, я не лечу, – спокойно ответила я, – а вот если ты не ответишь мне на мои вопросы честно и откровенно, полетишь прямехонько на нары, понял? – Я приподняла свой «Никон» над стойкой так, чтобы он его увидел. – Здесь у меня зафиксировано, как ты торгуешь наркотой. Итак?..

Гоша отрицательно покачал головой:

– Он меня убьет.

– Никто, кроме меня, не узнает, что ты мне сказал, – произнесла я. – И потом я же тебя не спрашиваю, где он берет кокаин, просто скажи мне, как общались Леша и Гриша, вот и все. Но если ты не хочешь говорить... – Я сделала вид, что

собираюсь уйти.

– Погоди, – остановил он меня, – ладно, только учти: если он узнает, и мне, и тебе – конец.

– Догадываюсь. – Я снова опустилась на табурет.

– Ну, деловые у них были отношения, что тебя еще интересует?

– Они не ругались?

– Было как-то раз, но о чем они говорили, я не слышал. Только Ложкин вскочил, схватил Замуруева за грудки и почти приподнял над полом.

– Когда это было?

– Не помню точно...

– Гоша... – укоризненно произнесла я.

– Ну говорю же: не помню, – прошептал Чикин, беспокойно озираясь по сторонам, – примерно с месяц назад.

– Вот и умница, Гоша, – похвалила я его, – больше от тебя ничего и не требовалось. – Я достала белый прямоугольный пакетик из сумочки и бросила его на стол. – А порошок свой заberi, он мне без надобности.

Гоша мигом смел ладонью белый прямоугольничек и застыл с непроницаемым лицом.

* * *

Когда я добралась до машины, поднявшийся на улице ветер основательно растрепал мои волосы. Я запустила двига-

тель и, пока он прогревался, привела свою голову в божеский вид, не слишком, впрочем, усердствуя. Я уже включила поворотник, собираясь отчалить, как запиликал мобильник. Поставив рычаг переключения передач в нейтральное положение, я вытянула антенну и поднесла трубку к уху.

– Оленька, – услышала я голос Кряжимского, который радовался, словно мальчик, – я узнал!

– Что вы узнали, Сергей Иванович?

– Как что? – удивился он. – То, что ты просила – где у нас можно найти стрихнин.

– И где же?

– Я должен был сразу догадаться, – начал самобичевание Кряжимский. – Ведь мой приятель лечил свою собаку от какого-то нервного осложнения.

– Господи, какая собака, Сергей Иванович? – Теперь настала моя очередь удивляться.

– Ну как же, я недавно тебе говорил, что приятель просил меня найти стрихнин для его собаки.

– Да-да, я вспомнила.

– Ну так вот, стрихнин, оказывается, используют для лечения нервных и психических отклонений, а значит, он может быть в городской психиатрической клинике, – гордо закончил Кряжимский.

– Спасибо, Сергей Иванович, вы молодец, – похвалила я его, – оперативно сработали, занимайтесь пока газетой, а я еду в «Сириус».

– Тебе что-нибудь уже удалось узнать? – поинтересовался он.

– Да, – ответила я, – я узнала, где в нашем городе можно приобрести кокаин.

– А зачем тебе кокаин, – недоумевал Кряжимский, – это же наркотик.

– Действительно, мне он не нужен, – вздохнула я, – зато информация о том, где его можно найти, бывает иногда очень даже полезной.

Я еще раз поблагодарила Кряжимского и нажала на газ. Начинался час пик, но мне удалось кружными путями добраться до Дома молодежи, где располагалось модельное агентство «Сириус», минут за пятнадцать. Еще через несколько минут с огромной коробкой шоколадных конфет под мышкой, прихваченной мной в супермаркете, я проследовала мимо зала, в котором вчера произошла эта трагедия, и ступила в широкий коридор. В него выходило несколько дверей, на каждой была прикреплена латунная табличка.

Пройдя мимо двери с табличкой «директор», я остановилась напротив репетиционного зала. Постучав для проформы пару раз, я открыла дверь и оказалась в просторной комнате с большими зеркалами на стенах и с балетным станком. «Да, – подумала я, – для того чтобы несколько минут сверкать на подиуме, нужно ежедневно потеть у станка. Не позавидуешь их работенке».

Зал казался совсем пустым, но из-за ширмы, стоящей в

его дальнем конце, слабо доносились голоса. Я направилась туда, и навстречу мне, видимо, услышав, что хлопнула входная дверь, вышла высокая, на полголовы выше меня, жгучая брюнетка со стрижкой каре.

Посмотрев со своих метра семидесяти трех на нее снизу вверх, я показала на «Никон», с которым почти никогда не расставалась (разве что не спала), и, широко улыбнувшись, произнесла:

– Добрый день, я Ольга Бойкова, фоторепортер из еженедельника «Свидетель». – Там, где можно было не врать, я предпочитала говорить правду и на собственной шкуре убедилась, что это зачастую гораздо выгоднее.

– Здравствуйте. – Брюнетка без особой любезности смотрела на меня.

– Может, попьем чайку? – Протянув коробку с конфетами, я увидела, как загорелись ее глаза.

Видимо, сладости и мучное были исключены из ее рациона.

– А-а, сегодня можно, – махнула она рукой и взяла коробку, – проходите, у нас здесь девичник.

Наташа, так звали брюнетку, познакомила меня с тремя своими подругами, сидящими на диване за ширмой. Улыбчивая шатенка Людмила, женственная, но немного манерная, с изнеженной грацией, точно я была мужчиной, протянула мне свою длинную руку. Я легонько пожала ее.

– Я ваша поклонница, – приветливо сказала она. – Ваша

газета одна из немногих, которые стараются выглядеть презентабельно.

– Польщена, – ответила я на ее похвалу, которую, не скрою, слушать было чертовски приятно.

– В ней нет ничего «желтого»... – хотела было продолжить петь дифирамбы Людмила, но сублильная Катя с поразительно правильными чертами лица и густыми русыми волосами, собранными на затылке в пышный хвост, не дала ей этого сделать.

– И желтого, и зеленого, и розового, и голубого, – шутивым тоном произнесла она.

У нее был по-детски звонкий голос и немного угловатые движения, что придавало ей неповторимое очарование юности. Одета она была подчеркнуто просто и стильно: темно-синяя облегающая блузка и черные клеши. На ногах – замшевые туфли.

– Опять ты, Кэт, за свое! – сочла нужным назидательно попенять Кате черноволосая манекенщица, которую я встретила первой.

– Оставь... Чем бы дитя ни тешилось... – усмехнулась та самая блондинка, которая рекламировала на последнем показе коллекции Замуруева понравившийся мне купальник. – Света.

Ее короткие волосы были зачесаны назад.

– Девочки, сейчас не время дурачиться, – серьезным тоном сказала черноволосая красавица Наташа, – во-первых,

скоро Киселева придет, а во-вторых...

– Мне хотелось бы с вами со всеми побеседовать на предмет вашей работы и... – я прочистила горло и только после этого выговорила: – трагической гибели Замуруева.

Я окинула взглядом симпатичный кружок сразу переставших улыбаться и нахохлившихся девушек.

– Прежде всего меня интересует ваша руководительница. Что она, кто она, ваши с ней отношения, ее отношения с Алексеем...

– С Алексеем? – недоверчиво переспросила Катя, которая, видно, была моложе всех и держалась на удивление естественно.

– Но вначале неплохо было бы организовать чай, вы как? – Я поняла, что взяла слишком официальный тон, и хотела исправить положение.

– Чайник я уже включила, – сказала Наташа, которая действительно на несколько минут отлучалась в соседнюю комнату.

– Так вот, давайте начнем с Киселевой Марины... – Я замялась, не зная, как отчество директрисы.

– Рудольфовны, – помогла мне все та же живая и непосредственная Катя.

Я одарила ее теплым, благодарным взглядом и уже вопросительно посмотрела на остальных. Я предоставила девушкам время собраться с мыслями. Закурила, предложила им свой «Винстон». Наташа поблагодарила меня и без колеба-

ний взяла сигарету из протянутой пачки. За ней последовали Света и Люда.

– Она у нас еще не курит, только карамельки сосет, – беззлобно подколола Катю Людмила в ответ на мой вопрос, почему Кэт манкирует сигаретой.

– А это, между прочим, в дальнейшем может отрицательно сказаться на ее фигуре, – приняла эстафету веселого подтрунивания Наташа.

– Курение в этом смысле губительнее любого шоколада и карамелек, – надула розовые губки Кэт.

Она задорно посмотрела на меня и рассмеялась.

– Вот так мы и развлекаемся, – иронично подытожила Наташа. – А насчет Киселевой... Я, например, работой довольна, мне нравится стиль Марины Рудольфовны. Может, кому-то он кажется излишне резким, а по мне это лучше, чем заискивание и мягкотелость.

– Ну, это ты так считаешь, – с вызовом сказала Кэт, – а мне, например, противно, когда со мной обращаются, как с цирковой лошастью.

– А как же ты думала, милочка, – криво усмехнулась Наташа. – Не все коту масленица...

– Да никакой масленицы не надо, просто в людях нужно прежде всего людей видеть, а не скот! – вмешалась вскипевшая вдруг Светлана. – Меня лично эта Киселева достала!

Я заметила, что ее глаза горят настоящей злобой.

– Это все потому, что ты двигаться толком не умеешь, –

настаивала на своем Наташа. – Вместо того чтобы все на Киселеву валить, лучше бы перед зеркалом поучилась топать.

– Не тебе судить! – взъерепенилась Света. – На себя посмотри: ты вся состоишь из треугольников и квадратов!

Я видела, что ее бьет нервная дрожь.

– Уж кто из треугольников состоит, так это твоя любимая Кэт! А еще эта... как ее... Терещенко. Помните, девчонки, какая она была грациозная? – Наташа захихикала.

– Ты потому так говоришь о Лиле, что тебя вместо нее на первые роли взяли, а она, между прочим, человеком была! – выпалила Кэт.

– Мы не о морали какой-то сейчас говорим, а о внешних данных и профессиональных навыках, – отчеканила Наташа. – И не забудь, прежде чем сюда попасть, я ой какой отбор прошла! А знаешь, благодаря кому Лилька сюда попала, а потом в передовики вылезла? – В темных глазах Наташи полыхнула ненависть.

– Благодаря Замуруеву, – лениво произнесла все это время как будто дремавшая Людмила.

– Вкус у Леши был чертовски испорчен... – язвительно сказала Наташа, – что неудивительно, достаточно посмотреть на его милую женушку. Помните, как она напилась на презентации летней коллекции, а потом скандал устроила, грозила нас всех серной кислотой облить?

Наташа судорожно захохотала, Людмила вымученно улыbnулась.

Вначале я хотела вмешаться в разгоравшуюся ссору, чувствуя себя очень неловко – ведь это я затеяла разговор, который развел девушек по разные стороны баррикады. Но потом, естественно, в корыстных целях решила промолчать, надеясь, что из такого «обмена любезностями» смогу почерпнуть больше информации, чем из тихоструйной заунывной беседы. Обуреваемые страстями люди иногда, сами того не замечая и не желая, признаются в таком, что на десять романов хватит! Это был именно такой случай.

– Че ты глаза на меня пялишь, невинность ты наша? – враждебно обратилась к удивленной Кэт разгневанная Наташа. – Или не знала? Да всем известно было, что Лилька ваша за Лешкой бегала, сбиваясь с ног, как говорится...

– Ты сейчас об этом потому треплешься, что Лешка на тебя плевал, а вот Лильку по достоинству оценил, – вмешалась Светлана.

– Ой, не тебе судить, сама на себя посмотри, давно ли Ложкин тебя пинком под зад...

– Заткнись, корова! – неистово завизжала Светлана, у которой, по всей видимости, нервная система оставляла желать лучшего. – Думаешь, я не знаю, что ты с Гошкой...

Наташа бросилась на Свету с кулаками. Такого я не ожидала и решила вмешаться самым серьезным образом. Но и другие девушки, точно вспомнив о моем присутствии, кинулись разнимать подруг.

Лица у обеих едва не подравшихся девушек были красны-

ми, возбужденными.

– Лучше я за чаем схожу, – приглаживая волосы, сказала успокоившаяся раньше Светланы Наташа.

Она выскользнула за дверь.

– Че у вас тут за шум? – На пороге стоял вихрастый светловолосый парень. Он усиленно ковырял в ухе.

– Ничего, Серега, ничего. Киселева не пришла? – Людмила грациозно потянулась. – А то наши амазонки уже рвутся в бой.

– Нет, не пришла.

Сергей растерянно посмотрел на меня, потом на Людмилу, словно спрашивая у нее, кто это?

– Знакомься, Сергей, – притворно важным тоном произнесла Людмила, – фотокорреспондент газеты «Свидетель» Бойкова Ольга. А это наш звукосветонепроницаемый Серега, – с юмором добавила она.

– Очень приятно, конечно, – отозвался последний, – но я, кроме технических журналов, ничего не читаю.

– Оно и видно, – задиристо усмехнулась Кэт.

Сергей выглядел невыспавшимся и каким-то помятым. У него были узкие синие глаза под припухшими веками, прямые повисшие брови и небрежная походка. Джинсы обвисли на коленях, старая трикотажная майка казалась нестираной.

– Ну ладно, дуй к себе, у нас тут девичник, – бесцеремонно сказала ему Светлана.

– Знаю я ваши девичники. – Сергей плутовато усмехнулся

и щелкнул указательным пальцем по шее.

– Не суди по себе, – огрызнулась Светлана. – Это ты у нас, парень, выпить не промах.

– Ну, салют! – Сергей дурашливо отдал честь и, развернувшись, вышел из комнаты.

– Утомил, – простонала Людмила. – Куда теперь Наташка пропала? Иди, Кэт, проверь.

Катя с неохотой поднялась со стула и направилась к двери, за которой исчезла Наташа.

– Так вы спрашивали нас о Киселевой? – неторопливо обратилась ко мне Людмила. – Я во многом с Натали согласна, но у меня есть свое мнение. – Она выпрямилась и сосредоточенно посмотрела в окно. – Марина баба классная, стервозная, конечно, но потому и классная. Умеет мужиками крутить, – с достоинством пояснила она.

– А в отношении работы? – спросила я с невинным выражением лица.

– И в работе толк знает. Она ведь сама была манекенщицей...

– Это я знаю. Как давно она стала заведовать этим агентством? – начала я интервью с флегматичной, а потому казавшейся самой уравновешенной и рассудительной из этой четверки девушкой.

– Три года. Сама основала его...

– Она что, богата? – любопытствовала я.

– Наверное, – пожала плечами Людмила.

– А Замуруева она давно знает?

– Наверное, – так же лаконично и меланхолично ответила она.

– То есть?

– Ну, знаю, что они познакомились задолго до «Сириуса». – Людмила вальяжно откинулась на спинку кресла. – Еще сигареткой не угостишь?

– Пожалуйста, – протянула я пачку.

– Мерси. – Людмила глубоко затянулась. – Ты уж нас извини, сама понимаешь, работа нервная, организмы юные, слабые, – томно произнесла она.

– Ничего, ничего. – Я ободряюще улыбнулась, хотя сидевшая напротив меня девушка в моем сочувствии не нуждалась. Мне вообще было странно, как это она меня замечает?

– Алексея все тут по-своему любили. Иногда, конечно, потешались над ним...

– Это почему же? – заинтересовалась я.

– Скорее не над ним, а над собой. Уж очень он любвеобилен был, ну никакого сладу с ним не было. Обычно модельеры либо педики, либо зануды дистанцированные, ну ты меня понимаешь? – Казалось, последнюю реплику она не выговорила, а промурлыкала. – Он спал со всеми, вот мы и потешались. Вначале скандалы друг другу устраивали, разборки кровавые, сама знаешь, что такое ревность... А потом поняли, что Лешке на роду написано из одной постели в другую перескакивать. Примирились. Не обошлось без драм, конеч-

но. Вот Светка, например, – она одарила материнским взглядом сидевшую в углу и все еще нервно вздрагивавшую Свету, – вешаться собиралась, пока мы ее не отговорили. Свет, ну чего ты?

– Да отстань ты! – огрызнулась та.

– Ладно, ладно, успокойся. – Людмила снисходительно посмотрела на подругу и перевела дыхание. – Так вот, я думаю, что Лешка пал жертвой какой-нибудь ревнивой и мстительной женщины... Ой, – спохватилась она, – а ты что, статью собираешься обо всем об этом писать?

– Собираюсь, но не только об этом, – уклончиво ответила я.

В зеленых глазах Людмилы мелькнуло беспокойство.

– Нам тогда Киселева башки поотшибает! – Ее кошачья грация уступила место резким движениям: она молниеносно выпрямилась, закинула ногу на ногу и наклонилась ко мне.

– Да не беспокойся ты так, я ведь не работы лишать вас пришла сюда. Мне просто нужна определенная информация. Дело в том, что наша газета заинтересована в расследовании обстоятельств смерти Замуруева. Хочешь – верь, хочешь – нет, я сама этим занимаюсь.

Беспокойство в глазах Людмилы сменилось уважением.

– Правда, что ли? Пойми, потерять такую работу...

– ...да еще в наше смутное время, – понимающе продолжала я. – Не волнуйся. Лучше скажи, в каких отношениях были Киселева и Замуруев?

Людмила подозрительно посмотрела на меня.

– Ты на что это намекаешь?

– Ни на что. Просто мне надо все максимально прояснить... Малейшая деталь может оказаться решающей. – Я бросила на Людмилу взгляд из разряда тех, которыми пользовались боевые командиры, поручая младшему составу выполнение какого-нибудь суперважного задания.

– Можно сказать, что они ладили... – без особой убежденности произнесла наконец Людмила.

В эту минуту дверь, за которой исчезла сначала Наташа, а потом Катя, открылась и обе подруги появились на пороге. У Наташи было заплаканное лицо. Физиономия Кэт носила следы детской растерянности.

– Привет... – Людмила уставилась на парочку. – А мы тут голову ломали, куда это наши красотки пропали...

– Люд, – умоляющим голосом сказала Наташа, – хватит юморить...

Шаткой походкой она прошла к стулу у стены и устало опустилась на него.

– А где же чай? – Люда была в своем амплуа. – Вы что, весь его уже выпили? Кэт, обслужи-ка нас на высшем уровне.

Кэт поплелась назад и вскоре внесла огромный поднос с чашками. Она поставила его на стол и открыла коробку принесенных мною конфет.

– Угощайтесь, – механически, утратив свою живость и беззаботность, сказала она.

– Будь лапочкой, передай чашку. – Людмила адресовала Кэт тягучий меланхоличный взгляд. – Мы тут о Замуруеве треплемся. Я, между прочим, сказала, что мы почти все спали с ним.

– Ну ты даешь, подруга. – Наташа пришла в себя и, кажется, обрела присущий ей бесцеремонно-компанейский стиль общения.

– А Киселева? – спросила я, пристально глядя на Людмилу.

– Вот этого я не знаю. Марина Рудольфовна, сдается мне, принадлежит к числу женщин, к которым просто так не подъедешь.

– Ой, прямо королева! – точно глубоко задетая репликой Люды, насмешливо сказала оживившаяся Светлана.

– Королева – не королева, – назидательно произнесла Людмила, – а держать себя с мужским полом умеет. Лешка и с ней, мне кажется, хотел закрутить ля мур, только не...

– Да, может, Киселева просто не в его вкусе была, – перебила ее Светлана, по-видимому, ненавидевшая директрису. – Возьми Макса, например, что он из себя представляет – так себе... А наша мымра с ним шуры-муры ведет, или я не права?

– А кто этот Макс?

– Брат другого известного в городе модельера. Вы слышали про Маргариту Назарову, так вот Максим – ее родной брат. Он был приятелем Замуруева, их частенько виде-

ли вместе. Поговаривали, что Макс крутил с Иркой Замуруевой, но потом пронесся слух, что якобы Лешка нарочно поручил Максу свою жену, чтобы самому удобней за другими бабами стрелять было. Не знаю уж, правда ли это, но на показах и презентациях Макс действительно появлялся с Ирккой. Но стоило Лешке куда-нибудь отлучиться, она бросала Максима и летела на всех парах разузнавать, где ее муженек и чем он занимается. А муженек где-нибудь в уголочке какую-нибудь курочку-цыпочку обхаживал. Вот тут скандал и разгорался, пощечины, упреки, битье-колотье, истерика дикая... Гости шарахались, одни посмеивались, другие хлопали глазами. Ирка орет, ногами стучит, в драку лезет, братом угрожает... – Людмила сделала глоток из своей чашки.

«Значит, Ложкин знал, что Замуруев изменял его сестре», – пронеслось у меня в голове.

– А Киселева? – упрямо повторила я свой вопрос.

– А что Киселева?.. – встрепелась Наташа. – Она тут ни при чем, по крайней мере никто из нас не видел, чтобы она с Замуруевым цацкалась.

Ее решительный тон был убедительнее всяких аргументов.

– А что представляет собой Назарова? – спросила я, допив чай.

– Талантливый модельер, но до Лешки ей далеко... – невозмутимо дала свою оценку Людмила.

– А вот твоя обожаемая Киселева так не считает. Мне Се-

режка говорил, что слышал, как она расхваливала Маргариту, – вставила-таки ей шпильку Светлана.

– Но почему-то предпочитала иметь дело с Замуруевым, – вместо Людмилы парировала Наташа.

– Просто он более раскручен был, вот и все, – нашлась Света.

– А теперь вот Назарову раскручивать будут, – печально заметила молчавшая в процессе всего чаепития Кэт.

– Кэт у нас расстроена, она была последним увлечением покойного мэтра, – с едкой иронией сказала Наташа.

Кэт бросила на нее укоризненный взгляд, словно Наташа предала ее. Она казалась сейчас такой хрупкой и незащищенной. Я даже решила, что она вот-вот расплачется. Ну прямо малое дитя. Ее красивое личико утратило свою безукоризненную симметричность и стало напоминать отражение в кривом зеркале.

– Да не хлюпай ты, – приказала ей Людмила. – Все равно он не остался бы с тобой надолго. Тем более что моя подруга недавно видела его с какой-то немолодой, но богатой бабой.

– Мало ли кто это мог быть, – всхлипнув, сказала Катя.

Еще через секунду она расплакалась.

Светлана принялась гладить ее по голове. Трогательное и печальное зрелище. Но сидящий во мне червь журналистики неусыпно подтачивал цветущие яблони сентиментальной экзотики и плодоносящие смоковницы слезливой романтики. В голове у меня мелькнула газетная полоса, украшенная

фотографией плачущей Кэт и снабженная броским заголовком: «Последняя страсть отравленного кутюрье», или «Офелия тарасовского подиума оплакивает неверного кутюрье», или «Смерть на подиуме – прекрасные глаза плачут, завистники злорадствуют». Что-нибудь в этом роде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.